

АЛЕКС ЭГЕРС

ПОКА БОГ СПИТ

ТОТ, КТО УМЕР ВЧЕРА

ТОМ I

КОГДА ТЕБЕ НАЗНАЧАЮТ СМЕРТЬ,
ТЫ НАЧИНАЕШЬ ПО-НАСТОЯЩЕМУ ЖИТЬ.

Алекс Эгерс

Пока Бог спит. Тот, кто умер вчера

«Автор»

2026

Эгерс А.

Пока Бог спит. Тот, кто умер вчера / А. Эгерс — «Автор», 2026

Каэлю восемнадцать. Завтра он должен умереть. Не от болезни и не от руки убийцы. Таково его Предназначение. Порядок, управляющий девятью ярусами Башни, уже рассчитал его смерть. Семье назначили пособие. Соседка печёт поминальный пирог. Но Каэль возвращается с моста живым. А вскоре исчезает его младшая сестра Лия. В мире подвесных улиц и искусственного неба людей можно не только увезти — можно «исправить» их память так, что родной человек станет чужим. Чтобы найти сестру, Каэлю придётся довериться тем, кого Порядок не признаёт, бросить вызов охотнику, который сильнее его, и решить, вправе ли он ради спасения Лии распорядиться судьбами других. Почему он пережил назначенную смерть? Откуда тело помнит движения, которым его никто не учил? И что скрывает Башня, где даже Бог, как говорят, спит? Иногда страшнее умереть — остаться живым в мире, который решил тебя забыть.

© Эгерс А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Похоронный чай	5
Глава 2. Пролёт	13
Глава 3. Предварительная запись	21
Глава 4. Кровать у стены	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Пока Бог спит. Тот, кто умер вчера

Глава 1. Похоронный чай

Сота принесла пирог в семь утра и попросила Каэля не есть середину.

— Она для гостей, — объяснила соседка, ставя противень на стол. — Мне ещё надо будет всем показать, что пирог целый. Ты же знаешь Лину с нижней площадки: увидит надкусанный и решит, будто я гостей объедаю.

— Лина скажет это и при целом. Дай мне край.

— Край бери. Середину оставь. В прошлый раз я испекла на поминки пирог, а они до обеда передумали хоронить человека. Он теперь раз в месяц является за своей долей и уверяет, что я осталась ему должна за пережитое.

Пирог пах луком, грибами и тем самым тестом, которое Сота делала только по большим случаям. Каэль отломил хрустящий угол. Соседка стукнула его по пальцам ложкой, не больно, по привычке, потом, видимо, вспомнила, для чего пришла, и спрятала ложку в карман передника.

— Я бы тоже ходил, — сказал он. — Если пирог хороший.

Сота дёрнула противень от него чуть дальше. В её рассказе живой человек спокойно являлся за недоеденным; она выбрала эту историю и теперь избегала смотреть на Каэля.

У них на кухне уже стояли две лишние табуретки. Вчера их принесла Майра из подъёмной мастерской: не хотела утром просить соседей, когда явятся люди из службы и семья должна будет встретить их достойно. Слово «достойно» ей досталось вместе с памяткой. Каэль не видел, чтобы мать читала памятку до конца. Она трижды складывала лист, снова расправляла и убирала под хлебницу.

— Я сегодня вернусь поздно, — сказал он.

Сота перевела взгляд с пирога на его рабочие сапоги.

— Ты и завтра так говорил, — сказала Сота.

— Завтра ещё не наступило.

— А у них наступило. — Она потёрла большим пальцем пятно муки на ладони. — Я собиралась сказать тебе, что у Лины есть брат, который может помочь мне принести стол. Вот уже два раза заходила и оба раза говорю о пироге. Майра его утром поднимала или пусть спит?

Из коридора донёсся удар. Потом второй, гораздо громче.

— Я не роняла! — крикнула Лия прежде, чем кто-нибудь успел спросить.

Каэль вошёл в комнату и обнаружил сестру на стремянке. Она пыталась закрепить над своей кроватью старую открытку. Один угол листа уже держался, другой никак не попадал под прижатую к стене планку. Под стремянкой валялись две книги, молоток Майры и чашка с водой, поставленная туда по причинам, которых Каэль узнавать не собирался.

— Если хочешь обрушить дом, начни с опоры, — сказал он. — У тебя есть талант.

— Не трогай стремянку. Я почти закончила.

Она была босиком, в слишком длинной рубашке и с пятном красной краски на носу. Майра расписывала праздничные вывески для подъёмной мастерской и считала, что краска лежит в закрытом ящике. Лия считала иначе.

Каэль придержал стремянку, пока она вгоняла клин в планку. От удара по доске посыпалась старая штукатурка. Открытка изображала широкое синее небо над дорогой, уходящей между низких белых домов. На обороте от давно стёртого названия уцелело только слово «берег». На Третьем ярусе не было никакого берега, а небо над Обручем мостов имело цвет железной воды и зажигалось по расписанию. Лия собирала чужие картинки уже третий год.

Она покупала испорченные, подбирала потерянные, выпрашивала у грузчиков; недавно начала рисовать свои, ещё хуже настоящих.

— Такой синий бывает? — спросила она, слезая.

— У красильщика точно бывает. Посмотрела бы ты, что он сделал с формой грузчиков прошлой осенью.

— Я спрашиваю про небо. Сота говорит, оно всё время меняется, даже когда никто ламп не трогает. У неё дед видел. Сначала, говорит, жёлтое, а к вечеру красное. Я бы всю смену стояла и проверяла, врёт она или нет.

— Сота будет ждать рядом и считать, сколько раз ты извинишься.

— Ты обещал показать мне настоящее. Я хочу сама ошибиться в цвете, понимаешь? А не чтобы мне сказали, какого оно должно быть.

Он подобрал чашку из-под стремянки. В её вопросе было больше упрямства, чем просьбы утешить; Каэлю захотелось пообещать ей что-нибудь огромное и немедленное.

— Когда найду путь, возьму тебя.

— Ты всякий раз говоришь «когда найду», а потом берёшь дополнительную смену. Я не против смены. Только считай её сменой, а не поисками неба.

— Сегодня у меня работы на три пролёта. Могу начать с твоего потолка.

— Потолок я уже знаю.

На площадке за стеной зазвонил подъёмник. Сначала коротко, потом двумя длинными ударами: утренняя смена уходила вниз. Лия взглянула на его сапоги и отвела глаза к открытке.

— Ты правда пойдёшь завтра на мост?

— Сегодня, — поправил Каэль. — Завтра мне, по мнению нашего доброго начальства, некогда.

Официальный лист, вручённый ему шесть дней назад, не называл часа. В нём было написано: «При исполнении трудового Предназначения гражданин Каэль Майрин проявит самоотверженность, обеспечив сохранность переправы и жизни других лиц. Исход гражданина ожидается почётный». Подпись начальника участка. Печать врача, ровно посаженная в отведённый ей круг. Размер пособия семье. Никто не написал, что именно сломается на мосту; Сота всё равно знала, сколько людей приглашать после.

— Они могут ошибаться, — сказала Лия.

— В пироге? Сота — никогда.

— Не смешно.

Каэль присел перед ней. Хотел сказать, что через год они будут вспоминать этот лист и ругаться из-за открытки, но Лия уже слышала такие уверения и не верила им. Он видел, как она считала дни на деревянном ребре кровати, ножом оставляя маленькие зарубки. Пять. Шесть. Сегодня шестая.

— Смотри на меня, — сказал он. — Я вернусь и доем середину пирога. Сота не даст — скажу, что это последняя воля. В такой день у меня на неё должно быть право.

Лия не улыбнулась. Провела пальцем по пятну краски на носу, только размазала.

— Ты бы мог просто не выходить завтра. Мама скажет, что смену нельзя бросать, Галл наймёт кого-нибудь ещё, а ты всё равно пойдёшь, потому что стоять дома страшнее. Я же вижу.

Попала. Каэль выдержал её взгляд.

— Если Галл поставит туда Ярека, тот опять полезет под подвес плечом вместо крюка. Ты бы слышала, как Галл вчера орал: даже железо, кажется, выпрямилось.

— Ты про Ярека заговорил, чтобы я не спрашивала про тебя. А ему шестнадцать, и ему почему-то можно там быть. Я поговорю с его матерью.

— Только не вдвоём с Сотой. В прошлый раз вы добились закрытия половины прохода, чтобы его шерстяная лента не цеплялась за клёпки.

— Значит, умеем договариваться лучше тебя.

Лия наконец улыбнулась краем рта и сразу отвернулась. Каэль не стал спорить с последним.

Галл не выбирал, кого ставить в смену, но мог переставить людей внутри бригады. Каэль не стал объяснять это Лие.

Майра стояла в дверях и держала в руке тряпку. Каэль не слышал, как она подошла. У неё были сильные рабочие пальцы, постоянно исцарапанные тонкой стружкой от подъёмных направляющих. Вчера она взяла выходной впервые за полгода. Утром надела домашнюю куртку поверх форменного платья, будто ещё могла передумать.

— Ярек придёт завтракать? — спросила она.

— Не знаю.

— Сота принесла столько, что хватит на весь подъезд.

— Она боится, что я съем середину.

— Середину я тоже хотела, — сказала Майра. — Так что поторопись возвращаться.

Она протянула ему старый налагодный ремень. Кожа блестела в местах, где когда-то цеплялась за край кабины. Пряжка была перешита толстой светлой нитью.

— Твой вчера опять оставил на верстаке. Нашла, пока всех не подняла на уши.

— Ты подняла только двоих.

— Троих. И один был начальник.

Майра проследила, как он застёгивает ремень. Руки она не предложила, не обняла при Лие. Когда он потянулся за инструментальной сумкой, она придержала её за ручку на миг дольше нужного.

Обруч просыпался снизу вверх. Сперва загорались лампы в грузовых шахтах, и высота под ногами наполнялась цепочками жёлтых точек; потом открывались чайные на опорах, и над мостами выползал пар; наконец широкий искусственный свод начинал светлеть так медленно, что люди спорили, когда именно наступило утро. Каэль любил это время. В нём было пять минут, когда его ярус казался построенным не для распределения грузов, а для того, чтобы кому-то захотелось здесь жить.

У перехода торговка грушами снимала чехол с лавки. Мальчишки запускали деревянную птицу на шнуре над провалом; внизу качался транспортный короб величиной с дом. На решётчатом настиле каждый второй проверял ногой знакомый звон металла. Каэль тоже, называя это профессиональной осторожностью.

— Птица у вас клюёт криво, — сказал он мальчишкам.

— Она такая и должна быть!

— Тогда она честнее половины знакомых мне взрослых.

У мастерской Галл уже ждал его, держа ведомость ребром к груди. Длинный человек с седой бородой, подрезанной неровно: однажды он пытался сделать это в движущейся кабине и с тех пор считал асимметрию знаком мужества. Сегодня он выглядел так, будто всю ночь спорил с собственным отражением и проиграл.

— Я снял Ярека с четвёртого подвеса, — сказал Галл прежде приветствия. — Пока не проверю старую клёпку, там никого не будет. Если он спросит, не говори, что это твоя заслуга: начнёт приносить мне хлеб и сломает что-нибудь ради второго выходного.

— Спасибо клёпке. Тебе тоже, если разрешаешь.

— Разрешаю один раз.

Ярек сидел на ящике с болтами и ел хлеб крохотными кусками. В шестнадцать он впервые получал рабочую плату. Из кармана торчала красная лента «на удачу» от матери. На мосту ленты цеплялись за всё; Каэль дважды заставлял снять её. Сегодня не стал.

— Что на шестом? — спросил он у Галла.

— Шестой терпит. До полудня смотреть опору и нижний ход.

— А передний подвес?

Галл медленно положил ведомость на стол. Каэль понял раньше, чем увидел запись.

— Завтра, — сказал мастер.

— Плита там просела сегодня.

— На волос.

— Ты называл волосом и ту трещину в сороковом. Мы потом три ночи ставили распорки.

— Я её помню. У меня этот волос теперь под ребром живёт. Передний подвес завтра,

Каэль.

Внутри мастерской пахло маслом, мокрой шерстью и сладким чаем из верхней лавки. Ярек перестал жевать. Рядом рабочие старательно перебирали ключи, не участвуя в разговоре. Шестой ход вёл к переднему подвесу. Завтра там пройдут тяжёлые грузы; Галл не мог забыть расписание.

— Они не отменяют перевозку? — спросил Каэль.

— Не отменят. Металл с Пятого, лекарства в том же рейсе. Я запросил разгрузку по двум линиям.

— И?

— И они приняли запрос.

— До завтра?

— Без даты.

Галл выговорил это с досадой, обращённой не к Каэлю. Он был хорошим мастером и не любил, когда его заставляли отвечать за расписание, написанное другими. Каэль взял ведомость: в графе завтрашнего дня его имя стояло рядом с передним подвесом. Ярек был записан вторым. Старая клёпка на четвёртом вдруг оказалась спасением от другой работы лишь на сегодня.

— Поставь меня на передний сейчас, — сказал Каэль. — Посмотрю плиту до грузов.

— Тебе поручен шестой. Поставлю на передний — мне вернут наряд за подписью и скажут, что это я тебя туда загнал. Я же помню, кто вчера сам просился.

— Я быстро.

— Вот это меня и пугает. Быстро ты однажды снял пол из-под тележки, потому что под ним была трещина. Половина смены носила груз на спинах, и я неделю слушал, какой ты молодец, пока не нашёл людей залатать дыру.

Каэль помнил. На тележке тогда везли еду, и людям пришлось нести её самим. Он не извинился за снятый пол, но за последующие семь дней работы Галла — стоило бы.

— На шестом сегодня мои руки, — сказал он. — Потом сам приду и покажу, что нашёл. Тебе не придётся гадать по отчёту.

Галл забрал лист. Ярек поднял глаза. Не нужно было произносить при всех назначенную гибель, чтобы она стояла между ними, как инструмент, который никто не хочет первым взять в руки.

— Мастер, — сказал Ярек, — я уже стою здесь. Если вы из-за меня переставляете людей, скажите прямо, куда мне идти. Я проситься с Каэлем не собирался.

Галл долго смотрел на него, затем вынул из шкафа свежий штафт и бросил Каэлю.

— На шестой оба. Стопоры Яреку, опору тебе. Если найдёшь проблему, которую можно чинить без перекрытия, чини. Найдёшь другую — тащи сюда меня и бригаду. Я не хочу принимать твоё геройство по ведомости.

— Мне тоже не нравится подпись в ней.

Галл зачеркнул Ярека в завтрашнем наряде переднего подвеса и вписал во внутреннюю бригаду — постоянно, на весь день груза. Ярек скривился: ещё вчера внутренние стопоры доверяли самому младшему. Всё же достал ключ и пошёл проверять крепление.

Ниже главного моста бежал узкий служебный переход. Отсюда город казался перевёрнутым: крыши жилых клетей висели над плечом, а голоса шли сверху по решётке отдельными

словами. Каэль прошёл до опоры, проверяя крепление рукой и слухом. Гул под ладонью был ровным, пока где-то внизу не ударил предупредительный колокол грузового подъёмника.

Два удара, пауза, один короткий.

У него вдруг пересохло во рту. Металл под рукой исчез на долю вдоха; вместо него он ощутил холодную гладкую кромку, которой никогда не касался, чужую тяжесть на пальцах и чьё-то дыхание рядом, оборвавшееся раньше его собственного. В памяти мелькнул свет — белый, до боли в глазах. Он выпустил опору и едва не сделал шаг туда, где не было настила.

— Каэль!

Ярек схватил его за ремень. Настоящий колокол ударил ещё раз. Обычный служебный сигнал, грузовая кабина прошла контрольную отметку. Каэль стоял на шестом ходе. Под ладонью был знакомый шершавый металл, пахнувший горячей пылью. Он ухватился за перила.

— Я проверял тебя, — сказал он.

— А я тебя поймал. Давай считать, что оба сдали, и сядь на минуту.

— Ты мою работу тоже сделаешь?

— Нет. Я постою рядом и буду сердиться, пока ты сидишь. Мать говорит, у меня это хорошо выходит.

Каэль сел на опору. Ярек держал его за ремень ещё немного и отпустил лишь тогда, когда Каэль сам уверенно переставил ноги.

— Ты не рассказывай Галлу, — попросил Каэль.

— Про что? Про проверку? Не стану. Про то, как тебя вывернуло на колоколе, — если повторится, скажу. Ты можешь сколько угодно бояться за меня, а я за тебя тоже имею право.

Каэль искал привычную шутку, но Ярек ждал ответа. Пришлось кивнуть.

Каэль не знал того места из внезапной памяти. В нём не было ни Обруча, ни грузовых кабин. Он мог бы назвать это сном наяву после шести ночей, в которые спал плохо. Но откуда пришло ощущение чужого последнего вдоха, он не представлял. Ещё хуже было то, что вместе со страхом осталось слабое, нелепое сожаление. Как будто он что-то не успел сделать там, где никогда не бывал.

Он поднял ключ с настила и вернулся к работе. Ярек больше не отходил далеко, хотя Каэль не просил.

Под крепёжной пятой треснула деревянная прокладка. Каэль показал Яреку, как меняется звук под каблуком, когда пята смещается. Они заменили дерево, пока над ними шагали сотни людей. Хорошая работа редко собирала зрителей; Каэлю она нравилась именно поэтому.

Когда они вернулись, Галл осмотрел старую деревяшку и не стал говорить «молодцы». Положил её на стол рядом с завтрашной ведомостью. Это было лучше.

— Теперь домой, — сказал он.

— Передний подвес?

— Я туда сам схожу.

— Ты хуже слышишь левую направляющую.

— Зато отлично слышу, когда мне мешают.

Галл уже надел рабочие перчатки. Каэль уступил и пошёл умываться у наружного крана. Вода была тёплой: вчера внизу успели удержать горны, сегодня сюда дошло их тепло. Каэль задержал руки под струёй, потом вытер пальцы о штаны и ещё раз посмотрел, в какой карман Галл убрал рабочий наряд.

К вечеру в их квартире стало тесно от еды.

Сота вернулась с горшком пряной фасоли. Сосед из нижней клетки принёс сушёную рыбу и никак не мог решить, уместно ли отдать её Каэлю лично. Майра принимала вещи, записывала, от кого какие пришли, и обещала вернуть посуду. Каэль слышал через дверь, как кто-то шёпотом спросил, не лучше ли убрать его рабочие сапоги с виду. Майра сказала: «Пусть стоят, он завтра в них пойдёт». Потом надолго замолчала.

Лия устроилась на полу у стола и рисовала новый вариант синего неба. Каэль сел напротив, забрал у неё банку с краской, чтобы случайно не опрокинуть в пирог, и увидел на листе ряд крошечных белых домов.

— Ты точно не помнишь, где купила открытку? — спросил Каэль.

— Я её не покупала. Сидела у старой почты, рисовала дома, и подошёл человек в серой шапке. Долго смотрел. Я думала, он скажет, что свет падает не с той стороны, как говорят все взрослые, которым больше нечего сказать. А он вытащил эту и предложил поменяться.

— Ты отдала ему свой рисунок?

— Он взял. Сначала спросил, почему у меня на картинке улица кончается перед стеной. Я сказала, потому что дальше лист кончился. Он засмеялся, но как-то не весело.

Каэль поднял взгляд. Лия выдавила из кисти лишнюю краску и нарисовала третью крышу, которая упорно выходила кривой.

— Что ещё он спрашивал?

— Ничего. Это я спросила, где такая улица. Он сказал, там больше нельзя доставить письмо, и ушёл. Ты мне теперь скажешь, что он мог иметь в виду неисправную почту.

— Почты вообще редко бывают исправными. Ты тогда в какой стороне была?

— Сейчас скажешь маме, что я ходила к закрытой щели. А город искать не станешь.

Она была права по крайней мере насчёт матери. Каэль коснулся пальцем синей крыши; краска ещё не высохла и оставила на коже пятно.

— Ты видела, куда он пошёл?

— Не видела. Я заканчивала дом. Не поверишь, некоторые вещи мне интереснее чужих шапок.

Каэль отложил дальнейший допрос. Он ожидал, что Лия непременно погонится за незнакомцем, а она осталась рисовать. Это тоже было на неё похоже, когда находилась улица, которую она хотела дорисовать. За стеной снова позвонили в дверь.

Пришёл районный наставник. Молодой, с узкими манжетами и такой чистой обувью, что она отражала кухонную лампу. Он снял шапку, заметил Каэля и остановился, будто застал дома человека, которого предполагалось уже оплакать.

— Я к гражданке Майре. Уточнить порядок завтрашнего дня.

— Вы успели до завтра, — сказал Каэль. — Значит, порядок ещё можно поменять.

Наставник не поддержал шутку. Он сел за стол и разложил три листка: подтверждение выплаты, приглашение на обряд и рекомендации семье на случай «тяжёлой реакции». Лия положила кисть. Майра придвинула чашку так, чтобы не запачкать края бумаг.

На приглашении под временем обряда стояло: «Пока Бог спит, милость его бодрствует». Каэль посмотрел на собственное имя ниже этой строки.

— Это необязательный разговор, — сказал наставник. — Я обязан принести листы, а слушать меня вы не обязаны. Многие семьи предпочитают сами прочесть после.

Майра подвинула ему чашку. Он не пил. Каэль заметил, что тот прижал ладонью край стола, словно боялся, что бумаги разлетятся от сквозняка.

— Скажите сейчас, — попросила Майра. — Завтра я не стану лучше понимать буквы.

На шестой вечерний удар семье следовало быть дома; после оповещения можно было попросить службу памяти облегчить скорбь. Доступ на мост во время смены закрывали для посетителей. Наставник говорил без торжественности и, дойдя до расходов на поминальный стол, запнулся.

— Можно вместо этого топливо? — спросил Каэль. — У нас котёл. Если за окном похолодание, вашей памяткой не растопишь.

— Обычно это разные статьи, — сказал наставник. Он посмотрел на Майру. — Я спрошу. Я, наверное, с порога должен был спросить, что вам полезнее. Человеку дают одну форму на всех, и постепенно начинаешь думать, будто у всех одинаковые печи.

— У нас печь одна, — ответила Майра. — И я умею её чинить. Вы лучше не приходите к ней со своими рекомендациями.

Наставник опустил глаза; согласился, хотя никто не просил. Лия перестала рисовать и смотрела, как он аккуратно укладывает третий лист под второй.

— А если он придёт домой? — спросила она. — Вам не будет обидно, что вы зря ходили?

Человек в чистых ботинках посмотрел на неё. Он мог бы объяснить, зачем его прислали; вместо этого некоторое время молчал.

— Не будет, — сказал он. — Я когда-то приносил такое в дом на соседнем ярусе. Человек вернулся. У меня тогда не нашлось другого листа и я написал на старом обороте, что он жив. Мне потом велели переписать набело. Так что, если Каэль придёт, вы оставьте этот у себя. Мой почерк там до сих пор хуже любой печати.

— Бесплатно напишете? — спросила Лия.

— Лия, — тихо произнесла Майра.

— Да, — ответил наставник. Улыбка запоздала: ему явно не хотелось обещать то, за что могли спросить с него самого.

Когда дверь закрылась, Лия начала складывать листы. Сначала ровно, как делала мать; потом переложила один в середину, посчитала страницы и остановилась. Каэль смотрел не на бумаги, а на Майру. Та старалась раскладывать чашки так, чтобы третья не задела край стола.

— Мама, — сказал он. — Сходи завтра на работу. Там хоть кто-то чинит то, что ломается, а не гадают, что сломается первым.

— Я взяла выходной. У нас одна из направляющих опять просится под замену, без меня её обязательно покрасят и объявят новой. Я всё равно не пойду.

— Тогда к Соте. Здесь будет тесно.

— Мне? Я тебе ещё не сказала, что делать завтра, а ты уже отправил меня с собственной кухни.

Она взяла его за подбородок, повернула лицо к свету. Синяк у виска, о котором он забыл, заметила сразу.

— Ты опять полез под опору без каски.

— В каске. Синяк от двери.

— Дверь в мастерской? У них высокие косяки: ты только и можешь там удариться, если нарочно прыгнешь. — Она отпустила подбородок, но осталась близко. — Мне от тебя не нужен хороший рассказ. Скажи, цел ли Ярек и что случилось с тобой.

— Ярек цел. Меня на шестом чуть повело. Он поймал. Ничего не сломано.

— От усталости?

— Не знаю. На секунду подумалось что-то чужое. Глупость, наверное.

Майра не стала просить описать чужое. Вытерла его синюю от краски щёку подушечкой пальца и вытерла палец о полотенце.

— Когда ты маленьким прятался на верхней балке, я всегда знала, где ты. По тому, что ты молчал. Ты и сейчас делаешься таким тихим, когда считаешь, что мне полезнее не знать. Не надо. Плохие мысли выдержи, только дай мне знать, где тебя искать.

Он успел улыбнуться на «делаешься», как в детстве, а затем перестал.

В соседней комнате Лия снова переставляла листы. Где-то в подъезде Сота громко спорила с мужчиной о том, какая посуда достойнее для поминального стола. От живых звуков квартира казалась меньше и безопаснее.

— Я выйду завтра, — сказал Каэль. — Но сперва поговорю с Галлом. Ярека на передний не пушу. Если плита пошла, проход закрываем до груза.

— Галл уже что-нибудь нашёл?

— Вечером посмотрит ещё раз. Ты ведь сама знаешь: если слышно, как крепление вздыхает, поломка началась раньше, чем пришёл мастер. Завтра проверим вместе.

— «Вместе» — хорошее слово. Держись его. — Майра достала маленький семейный колокольчик, которым Лия звала их ужинать, когда ей было лень спускаться с кровати. — Я обещала Лие не звонить раньше семи. Она хочет сама следить за часами, будто от этого ты вернёшься вовремя.

— Она всегда следит. Даже когда я задерживаюсь на пять минут, записывает, сколько мне за это полагается работы по дому.

— Ты ведь потом делаешь. — Майра слегка качнула колокольчик, не давая ему прозвонеть. — Завтра позвоню ровно в семь. Если будешь дома, ешь середину пирога. Если нет, я всё равно съем её сама. На это можешь жаловаться Соте сколько угодно.

Она попробовала улыбнуться. Каэль взял её за запястье и вместо обещания спросил, не осталось ли фасоли для Ярека. Майра фыркнула, достала маленькую миску и велела отнести мальчишке, пока тот не уплёл всё печенье в мастерской.

На пороге он оглянулся. Лия стояла у стола, спрятав один из листков под рисунок. Каэль видел только край бумаги с круглой служебной печатью и рядом нарисованное синее небо.

— Не ложись поздно, — сказал он.

— Ты тоже.

За дверью шелестнул спрятанный лист. Каэль задержался на ступеньке с миской горячей фасоли в руках. Он мог вернуться и спросить, что нашла Лия, но ему уже однажды не удалось разговорить её за рисунком. Утром ему предстояло выйти на передний подвес. Он пошёл к Яреку, а за спиной сестра осталась наедине с бумагой, которую не решилась показать.

Глава 2. Пролёт

Галл пришёл за Каэлем раньше утреннего света. Он стучал в дверь костяшками, будто ему не хотелось будить соседей ударом молотка, и в то же время стучал так настойчиво, что проснулась вся клеть.

— Я нашёл твою плиту, — сказал он, когда Каэль открыл. — И ещё кое-что.

Майра за его плечом уже надевала куртку. Лия выглянула из комнаты, прижимая к груди подушку; не спала она, судя по глазам, давно. Сота на соседней площадке приоткрыла дверь на ширину своего лица.

— Чай? — спросила она.

— Если поставишь, выпью на обратном пути, — ответил Галл.

— Ты говоришь это всякий раз, а потом возвращаешь кружку с холодной заваркой через Ярека. Налить сразу в его кружку?

Галл не нашёлся с ответом. Сота посмотрела на Каэля. Тот проверил сумку, натянул ремень, который мать вернула ему вчера, и взял с подоконника половину пирога. Середину он оставил.

— В семь, — сказала Майра.

— Без пяти, — поправил он. — Надо же успеть занять место получше.

Лия всё ещё стояла в дверях со своей подушкой. Она не улыбнулась и не попросила снова пообещать. Каэль кивнул ей; на этот раз она ответила.

Семейный колокольчик висел у неё на пальце. Каэль спустился вслед за мастером.

Галл нашёл выгнутую кромку боковой плиты там, где новая обшивка сходилась со старой накладкой, трижды переключенной мостовщиками. После прохода пустой кабины кромка дрогнула; опора отозвалась на другом конце пролёта. Каэль положил на неё ладонь. Даже без завтрашнего назначения он запретил бы тяжёлый груз.

— Я закрыл два выхода, — сказал Галл. — Ведомство открыло один. Лекарства едут обратно на нашем поезде. Если задержим, внизу не хватит для послеобеденной раздачи.

— А металл вниз не может подождать?

— Его уже загрузили. Две сцепки по пять коробов.

— Две?

Галл показал лист с оттиском начальника грузового движения. Вчера в расписании значилась одна сцепка. Вторую добавили ночью после поломки на соседнем мосту. На площадке уже были люди, а старая плита дрогнула от пустой кабины.

— Я отправил людей разгружать по одному коробу, — сказал Галл. — Управление подтвердило. Но пока ответ дошёл, груз ушёл с Пятого.

— Тогда не ждём подтверждений. Снимем площадку с движения.

— Там сейчас сорок человек. Рабочие пересмешаются, торговцы вернулись с нижнего рынка. Уводим их. Ты с Яреком берёшь ближний конец, я дальний.

Галл говорил, уже идя. Каэль прибавил шаг. Мастер ни разу не взглянул на лист с назначенной гибелью, который торчал у Каэля из внутреннего кармана, зато дважды проверил его страховочный ремень.

У выхода на площадку стоял молодой инспектор грузового движения в синем плаще. Он внимательно слушал Галла и всё равно сказал:

— Пешеходов выводите сейчас. Поезд я закрою, если увижу опасность своими глазами. Потом хоть обжалуй моё решение, мастер, я не хочу, чтобы мне принесли запись с чужого осмотра.

— У тебя двадцать шагов до опасности, — ответил Галл. — У поезда столько же до входной стрелки.

— Лекарства в нём. Если я останавливаю поставку из-за того, что вы мне сказали «посмотри», больные внизу не узнают вашего имени. Моё узнают. Ты сам бы так не поступил.

Галл открыл было рот и не сразу ответил. Он, вероятно, и впрямь хотел бы видеть плиту сам. Каэль уже успел оценить расстояние до ручного отсечного колеса. Повернуть его можно было за полминуты, если инспектор даст знак.

— Покажу кромку, — сказал Каэль. — Только пойдёте рядом и смотрите на крепление, а не на меня. Мне сегодня все смотрят в лицо.

Инспектор посмотрел. Лицо у него было бледным, но он первым шагнул к подвесу.

Ярек побежал очищать площадку. Прохожие ворчали и пытались успеть за минуту; торговка грушами боялась потерять товар. Каэль купил одну за двойную цену и обещал оплатить остальные, если она уйдёт сейчас. Дорогое обещание. Груша была твёрдой, как молоток.

— Тебя же сегодня... — начала торговка и не закончила.

— Сегодня я сначала купил у тебя грушу. Если не вернусь, тебе придётся искать того, кто вернёт сдачу.

— Да забирай, — сказала она, сердито сунув плод обратно ему в руку. — Я сама уйду. Только не вздумай потом рассказывать, что спас мне корзину.

На дальнем конце Галл свистнул дважды. Поезд уже подходил к развилке. Люди поворачивали назад, а одна бабушка в шерстяном платке всё ещё подбирала рассыпанные пуговицы, которые вырвались из сумки. Ярек подхватил её за локоть. Она оттолкнула его, чтобы собрать последнюю. Каэль подошёл, поднял пуговицу и отдал. Бабушка внимательно поглядела на него, словно запоминала лицо на случай, если больше не увидит.

— Теперь уходим, — сказал он.

Передняя кабина показалась из-за ребра опоры. Полная металлических болванок, связанных поперечными стяжками. Вторая тащилась за ней; между ними на коротком ходу ехала санитарная клеть, где сидели двое сопровождающих с охлаждёнными ящиками. Грузовики обычно не везли людей среди металла. Но если переправа закрывалась, те двое должны были первыми доставить лекарства туда, где их ждали.

Инспектор стоял у колеса. Каэль показал ему, как вибрирует кромка.

— Я сейчас закрою, — сказал тот.

Он не успел.

С дальнего конца донёсся короткий резкий звук — не треск металла, а лопнувшая стяжка на первом коробе. Болванки навалились на одну сторону кабины. Колесо ударило по направляющей, поезд качнулся, и боковая плита переднего подвеса раскрылась вдоль шва. Площадка под ногами людей рванулась к провалу.

Каэль схватил инспектора за ворот, толкнул к неподвижной опоре и сам упал на колено. Корзина груш покатилась по решётке. Шерстяной платок бабушки исчез за спиной Ярека. Галл на дальнем конце успел поднять красный рычаг замедлителя; поезд сбросил ход, но первая кабина уже сошла с прямой. Её боковой крюк вцепился в край площадки. Дальше она не двигалась. Вторую тянуло вперёд, и от этой тяги ломало то, что удержало первую.

Несколько человек оказались на отрезанной половине перехода. Между ними и внутренним настилом образовалась щель шириной с плечо; под ней падала в глубину вся шахта Обруча. Люди хватались за ограду и раскачивали кусок площадки ещё сильнее.

— Замрите! — крикнул Каэль.

Один мужчина перестал двигаться. Другие не слышали. Ярек бежал к ним с безопасной стороны, но опора уже ходила так, что бег становился опаснее ожидания. Галл удерживал замедлитель и орал людям, чтобы легли на настил.

Кабина зацепилась за площадку и тянула её вниз. Над проходом висел аварийный канат; в середине поезда люди с лекарством оказались взаперти. Инспектор крутил отсечное колесо до боли в руках, но поезд ещё двигался.

Каэль вынул из сумки короткий сигнальный трос и зацепил его за внутреннюю стойку. Другой конец бросил к Яреку.

— Привяжи поперёк. Ниже колена. Людей по одному к нам, ползком.

— Кабина!

— С кабиной я поговорю.

Это была плохая шутка, но Ярек поймал трос. Он умел вязать надёжный узел, когда ему не мешали чужие руки. Мужчина на площадке наконец упал на живот и начал тянуть к ним женщину, которая застыла у ограды. Торговка грушами стояла ближе всех к щели; потеряв корзину, она словно больше не знала, зачем идти дальше. Каэль назвал её по имени — Сива, вспомнил с рынка — и она повернула голову.

— Деньги с меня, — сказал он. — За остальные груши. Я ещё не рассчитался.

— Забери себе свой долг!

Она уже ползла.

Санитарную клеть перекосило. Один из сопровождающих открыл дверь и потянул ящик, как если бы мог с ним прыгнуть через щель. Второй удержал его за плечо. Они спорили, у кого препарат чувствительнее к теплу, пока под ними не лопнуло стекло окна. Каэль, перекладывая вес на внутреннюю опору, увидел на крыше первой кабины большую транспортную петлю. За неё можно было отвести боковой крюк. Нужно было выйти над самой щелью.

— Галл! — крикнул он. — Мне нужен нижний запасной.

Мастер понял сразу. Он выпустил один замедлитель, потянулся к резервному канату и сбросил Каэлю свободный конец. На секунду поезд дёрнулся сильнее. Люди закричали. Галл выругался так громко, что Каэль услышал знакомый голос сквозь скрежет и сумел вдохнуть.

Он обвязал канат вокруг пояса. Ярек схватился за его ремень.

— Ты собираешься туда?

— Только до петли.

— У тебя не получится.

— У нас если не получится, вам придётся летать.

Ярек сжал ремень сильнее. Каэль отцепил его пальцы — не грубо, быстро — и вышел на узкую поперечину. Под сапогом дрожал металл. Один шаг к петле, второй. Грузовой короб качнуло к нему, и Каэль лёг на него животом, почувствовав, как болванки ударили снизу в стенку. Санитарная клеть была в пяти шагах дальше. Сопровождающий в очках смотрел из открытой двери с таким выражением, будто Каэль нарушил санитарные правила всей вселенной.

— Люди из вашего отсека могут перейти через крышу, — крикнул Каэль. — Без ящиков!

— Они нужны внизу!

— Вы тоже.

Он продел канат через транспортную петлю и показал Галлу рукой. Мастер закрепил другой конец на целой опоре. Теперь кабину можно было отделить от площадки, не бросив в шахту. Инспектор остановил двигатели, и толчки под ногами стали реже.

На площадке Ярек перевёл через трос первого человека. Женщина с окровавленной ладонью прыгнула слишком рано, но Сива успела за её пояс. Потом мальчик лет девяти, бабушка в платке, мужчина с расцарапанным лицом. Некоторые помогали, некоторые мешали, и никто не становился плохим человеком от того, что боялся.

Каэль подполз к боковому крюку. Он держал край площадки, как зуб держит плоть. Вставил железный клин между крюком и ребром, замахнулся ключом. Перед ударом услышал внизу два удара колокола, паузу и короткий. Вчера этот ритм отнял у него почву. Сейчас он крепче ухватился за крышу. Чужой холод не пришёл; здесь были его руки и знакомый вес инструмента.

Крюк поддался с третьего удара. Площадка резко пошла вверх, люди на ней вскрикнули, но поперечный трос Ярека удержал ближайших, а остальные уже лежали. Кабина ушла в сто-

рону на резервном канате и повисла отдельно от прохода. Секунду казалось, что всё остановилось.

Потом заговорили сразу все.

Инспектор крикнул о запертом приводе, сопровождающие потребовали путь для ящиков, Галл велел Каэлю возвращаться, пока канат не перетёрся о крышу. Каэль выбрался к санитарной клетке. Один сопровождающий держал ящик обеими руками и не мог ухватиться за ладонь; Каэль передал груз Галлу. Оказавшись в безопасности, человек его обругал.

— Передай медикам, — крикнул Галл инспектору. — Немедленно, пока охлаждение держится.

Инспектор впервые за утро не спросил полномочий. Подхватил ящик и побежал.

Отрезанная площадка была почти пуста. Почти. Ярек остался на её дальнем конце у аварийной стойки; он удерживал поперечный трос, пока последняя женщина выбиралась из щели. Когда отпустил его, старая заклёпка в стойке вырвалась. Трос ударил Ярека по руке, обмотался вокруг запястья и дёрнул к пролому. Мальчишка сумел ухватиться за ограду, но пол площадки под ним уже опускался.

— Режь! — кричал Галл.

Ярек пытался достать нож свободной рукой. Рука слушалась плохо, между пальцами текла кровь. Каэль стоял на внутренней стороне, в двух шагах от места, где сходились крепкие балки. Он мог вернуться к Галлу, к дому, к серединке пирога, к семи ударам материнского колокольчика. Площадка уходила медленно и не обещала ждать.

— Он тебе не успеет, — сказал Галл. — Каэль, не прыгай прямо.

Каэль не прыгнул прямо. Сначала отцепил резервный канат от пояса и привязал его к внутренней балке коротким рабочим узлом. Оставил себе петлю длиной в два шага. На сломанной площадке торчал конец рельса; он мог выдержать его вес ровно настолько, чтобы дотянуться до Ярека. Мог и не выдержать. Никто не выдавал на такую проверку подписанного листа.

— Ярек, смотри сюда. Не на руку. Сюда.

Мальчишка поднял лицо. Глаза его были мокрыми от боли, а не от страха, и Каэлю не понравилось, как старательно он пытался показать обратное.

— Помнишь, как ты позавчера поймал меня на шестом?

— Ты белый был.

— Значит, теперь моя очередь.

Он спустился по внутренней балке и шагнул на рельс. Рельс прогнулся. Кабина, висевшая на запасном канате, повернулась и ударила по дальнему ребру; площадка просела ещё на ладонь. Каэль оказался на расстоянии вытянутой руки от Ярека. Нож в сумке висел слишком низко. Он зубами стянул перчатку с правой руки и потянулся к узлу, намереваясь распутить его пальцами.

Это был не узел. Трос закусило между стойкой и вырванной заклёпкой. Каэль не тратил время второй раз. Выдернул рабочий резак, наклонился и полоснул по натянутой ткани рукава Ярека выше локтя. Трос рванул пустой рукав, а Каэль схватил мальчишку за плечи. Тот вскрикнул от боли в руке, но ногами нашёл край рельса. Они оба повисли на короткой петле резервного каната, которую Каэль оставил за спиной.

Галл и Сива тянули с внутренней стороны. Ещё двое спасённых, имён которых Каэль не знал, навалились рядом. Металл бил по металлу, люди ругались на узел, Ярек плакал и злился, что плачет. Через несколько вдохов их перевалили через ограду на прочный настил.

Позади площадка оторвалась. Она падала не сразу, а с мучительным замедлением, цепляясь отломанным ребром за стальные распорки, потом исчезла в шахте. Звук от удара дошёл гораздо позже.

Галл сел прямо на пол. Седая борода торчала в разные стороны.

— Я просил не прыгать прямо, — сказал он.

— Видел. Я послушался.

— Один раз в жизни.

— Запиши в ведомость.

Каэль поискал взглядом Ярека. Мальчишка лежал на куртке Сивы, врач из санитарной клетки уже перевязывал его руку. Пальцы двигались. Ярек заметил взгляд Каэля и показал ему средний — осторожно, неповреждённой рукой. Каэль засмеялся раньше, чем смог остановиться. Потом сел рядом с Галлом и обнаружил, что не может сразу разжать свою собственную кисть.

На главный мост собралась половина яруса. Весть шла быстрее грузовых кабин: передний подвес рухнул, лекарства доставили, люди живы, кто-то видел парня, которому назначили умереть. Кое-кто утверждал, что смерть всё-таки случилась и его вынесли, накрыв курткой. Когда Каэль появился рядом с Галлом, эти люди удивлялись особенно искренне.

Медики увели Ярека и двух пострадавших. У одного был сломан голеностоп, у другого порезаны обе руки. Сива раздавала уцелевшие груши детям бесплатно и старательно делала вид, что не смотрит на Каэля. Инспектор грузового движения пришёл с новой ведомостью. Лицо у него стало землистым; сапоги запылились. Он нашёл в себе силы поблагодарить Галла за остановку поезда и назвать имена всех, кто помогал переносить лекарства.

— Передний маршрут закрыт, — сказал инспектор. — Медицинскую поставку отправили по внутренней линии. Тесно там, три другие доставки снимали с хода. Но первый ящик уже на месте.

— Значит, можно было и до аварии, — сказал Каэль.

— Сказал бы ты это женщине, которая три часа ждёт горючее для своей печи, когда ей отвечают: «лекарства важнее». Я сам утром спорил за поезда. Надо было раньше прийти и посмотреть плиту. — Инспектор потер рукавом лоб. — Когда-нибудь ты, может, дашь мне закончить предложение прежде, чем сердиться?

Каэль хотел возразить, что лекарство действительно важнее печи. С пустого места, где была площадка, поднимался ветер; возражение осталось при нём.

— Что за предложение?

— Я должен внести твоё имя в отчёт. Мне выдали форму, где сегодняшняя смерть уже проставлена. Я буду писать, что ты стоишь передо мной. От тебя нужно полное имя и два свидетеля, иначе эту часть приписки могут снять как ошибку переписчика.

— Каэль Майрин. С Галлом ты знаком.

— Знаком, — отозвался Галл. — И с его матерью. Не заставляй её доказывать второе.

Он поднял ведомость. В графе события было напечатано «ПРОГНОЗ ПОДТВЕРЖДЁН». Следом рукой дописали число спасённых, повреждения и доставленные медикаменты. Про Каэля ничего не понадобилось вписывать: его исход оставался напечатанным заранее.

— Исправьте строчку, — сказал Каэль.

— Я могу подать уточнение. Оставь мне живую подпись рядом с уже напечатанным исходом. Стирать печать я не умею.

Галл перегнулся через плечо инспектора и ткнул пальцем в пустое поле.

— Пиши здесь. Я свидетель. Если скажут, что тебя не устроил размер поля, попроси лист побольше.

— Я тоже свидетель, — крикнула Сива. — И он обещал мне деньги. При мёртвом свидетеле счёт пропадёт!

Инспектор криво улыбнулся, записал их имена на обороте и поставил свою подпись. Каэль запомнил, куда он убрал лист; в толпе один из детей снова закричал, что видел, как мостовик летел без троса, и все взрослые начали спорить разом.

Люди начали хлопать. Сначала нестройно, будто стеснялись после утреннего страха. Потом громче. Один из сопровождающих лекарства поднял над головой пустую охлаждающую коробку; дети решили, что это часть праздника, и захопали так, что взрослым пришлось догонять. Ярек, уже на носилках, старался выглядеть недовольным всей церемонией. Сива всунула Каэлю грушу и не взяла денег.

Каэль стоял среди шума и не знал, куда деть руки. Рядом Галл опирался на ограду, глядя не на него, а на людей, которым предстояло заново построить передний ход. Внизу ветер прошёл по пустому месту площадки, и на мгновение Каэль снова почувствовал высоту. Не как угрозу. Как пространство, через которое они сумели перетащить друг друга.

Потом кто-то окликнул его по имени голосом Лии.

Она пробралась через толпу с Майрой. Лия остановилась за шаг до него, проверила лицо, руки, ноги — всю видимую часть брата — и внезапно ударила его кулаком в грудь. Не сильно.

— Я видела, как ты шёл обратно к Яреку, — сказала Лия. — Люди кричали, что там больше никого нет. Я им сказала, что ты плохой счётчик, когда дело касается чужих голов.

— Справедливое замечание. Ты ведь помнишь, что я обещал пирог?

Она обняла его так крепко, что он выронил грушу. Майра подняла плод, стряхнула пыль и спрятала в карман. В её другой руке звякнул семейный колокольчик.

— До семи ещё далеко, — сказал Каэль.

— Сначала принесли носилки, — ответила Майра. — Я позвонила один раз и сама рассердилась на этот звук. Больше не стану до ужина.

— А я стану, — сказала Лия и взяла у неё колокольчик. — Каждый день. Чтобы ты не решал за всех, кому когда приходить домой.

Они пошли домой не сразу. Ярек хотел, чтобы Каэль передал его матери целый, без подробностей; мать Ярека уже стояла за носилками и слышала каждое слово. Сива потребовала обещанные деньги за груши, затем отказалась от них снова. Старушка в шерстяном платке нашла ему одну пуговицу — ту самую, которую он поднял в начале аварии, — и велела пришить на счастье. Каэль положил её в карман, не возражая. Пуговица оказалась тяжелее, чем Каэль ожидал. Он держал её в кармане, пока толпа редела, и несколько раз находил пальцами среди ключей.

Сота, едва увидев его в дверях, схватила с противня середину пирога и переложила на тарелку.

— Вот. Пока Лина не решила, что я её гостям подала края.

— Ты ведь говорила, что середина для гостей.

— А ты сегодня столько народу притащил за собой, что считаешься гостем в собственном доме. Садись и не размахивай рукой, пирог горячий.

За Каэлем действительно шли люди. Сива принесла почти пустую корзину; на самом дне оставались две груши, которых она не хотела ни продавать, ни дарить. Старушка с пуговицами принесла мешок ниток и объявила, что найдёт, куда пришить его счастливую пуговицу. Мать Ярека пришла без сына: тот ещё лежал в лечебнице, и ей не хотелось возвращаться в свою квартиру, где оставленная утром чашка стояла нетронутой. Каэль посадил её на место возле окна. Майра сказала, что супа хватит всем, хотя он знал, сколько налил ей утром.

Сосед из нижней клетки поставил на стол сушёную рыбу и оглядел собравшихся.

— Я собирался подарить её Майре, — сказал он, — но рыба сегодня из семьи. Если бы знал, что вы так отметите, взял бы хлеба.

— У нас есть хлеб, — сказала Майра. — А рыбу оставь. Я её три раза видела у тебя в руках на лестнице, и всякий раз ты уносил домой. Ей надоело путешествовать.

Люди засмеялись. Сосед от смущения едва не уронил свёрток в миску с фасолью. Сота подвинула ему тарелку, и тот перестал оправдываться. Кто-то стелил на подоконник чистую тряпку под мокрые сапоги, кто-то искал ещё одну ложку. В обычный день Каэль бы вышел на

площадку, где больше воздуха. Сегодня его всё время звали по имени. Лия усадила его между собой и Ярековой матерью и потребовала, чтобы он ел, пока у него не забрали середину.

— Я видела, как они снимали бинт, — сказала мать Ярека. — Пальцы у него шевелятся. Врач сказал: три недели без инструментов. Он сразу спросил, можно ли хотя бы держать ключ в другой руке.

— Галл найдёт ему работу без ключа, — ответил Каэль. — Пусть пока ругает меня. У него неплохо получается.

— В детстве он всё время ходил по самому краю лестницы, — продолжила она, подбирая со стола крошку. — Я нарочно ставила там ведро, чтобы он его задевал и возвращался. Потом увидела, как он учит младших обходить ведро. Может, врач сумеет заставить его хоть неделю поберечь руку. Я — нет.

— Я с ним поговорю, — предложил Каэль.

Она посмотрела на него и без злости спросила:

— А тебя кто заставил поберечь руку, когда все уже вышли?

Он открыл рот, почувствовал ноющий палец и занялся пирогом. Мать Ярека впервые за вечер сама потянулась к еде. Лия заметила этот маленький выигрыш и пододвинула женщине лучшую грушу из Сивиной корзины. Торговка шумно заявила, что никто ещё не распорядился её товаром с такой уверенностью, и оставила грушу у тарелки.

Сота пристроилась на краю табуретки. Она рассказала, как утром поставила тесто во второй раз, потому что первая партия оказалась слишком пресной. Каэль слушал, ожидая признания, что заготовила пирог на похороны. Сота обошла эту часть, зато с удовольствием сообщила, как соседка Лина через дверной глазок наблюдала за противнем, а потом пыталась вывести рецепт. Каэль впервые узнал, что Сота добавляет в грибную начинку тёртый орех. Он обещал молчать перед Линой. Он был сыт, но оставил себе ещё кусок и доел его медленно, пока вокруг спорили, чей чайник быстрее закипает.

Лия села ближе и показала ему синюю открытку. На кухонном краю всё ещё лежал служебный лист наставника, прикрытый рисунками.

— Тот человек в серой шапке, — сказала она тихо. — Я вспомнила, где встретила его после открытки. У старой почтовой щели, хотя письма там давно не принимают. Я тогда возвращалась из мастерской и видела, как он смотрел на закрытую дверь.

— Может, забыл, что переехали, — сказал Каэль. — Ты тоже до сих пор пытаешься покупать чернила в лавке, которая торгует сапогами.

— Я туда за сапогами ходила один раз. А у него была сложена карта. Человек с картой знает, где новая почта. — Лия перевернула открытку, чтобы снова увидеть уцелевшее слово на обороте. — Я завтра спрошу Яну, почтальоншу. Она разговаривает с детьми, когда взрослых не хочет слушать.

Каэль отвёл взгляд от открытки к её лицу. Она сказала «завтра» так, будто он давно согласился.

— Я проснулся сегодня в такую рань, что завтра намерен проспать весь день. Ты можешь подождать, пока я проснусь?

— Я могу, — ответила Лия. — Не обещаю, что захочу.

Сота принесла им обоим ещё по маленькому куску пирога, а Майра позвонила в семейный колокольчик ровно в семь. Все засмеялись: она позвала ужинать людей, давно сидевших за столом. Майра покраснела и хотела повесить колокольчик обратно, но Ярекова мать попросила позвонить ещё раз для него. Она пообещала завтра рассказать сыну, что он пропустил ужин, на который даже колокол звал дважды.

Когда шум улегся, Каэль увидел, что Лия положила открытку на лист наставника, закрыв его печать. Её локоть остался на самом краю стола, рядом с его рукой. Он не стал снова начинать про почту. Ему хватало на этот вечер её плеча, тёплого пирога и того, что на мосту Ярек

поднял неповреждённые пальцы. Когда он откинулся на спинку стула, круглая печать на краю стола уже не виднелась. Лия дописывала что-то карандашом на обороте рисунка.

Глава 3. Предварительная запись

Утром после спасения Лия обнаружила, что героизм её брата мешает спать ничуть не меньше, чем предсказание его смерти. Всю ночь за стеной хлопали двери. Соседи приходили убедиться, что Каэль действительно вернулся, и, убедившись, будили следующего соседа. Под утро Сота принесла чистую рубашку, хотя Каэль вполне мог постирать свою сам. Потом пришёл Ярэк с грушей, которая пережила падение с моста и имела вид свидетеля, желающего уехать из города.

Каэль наконец уснул, сидя у стола. Майра накрыла его курткой, запретила гостям стучать и сама ушла на смену. Перед выходом она поцеловала Лию в макушку.

— Не ходи сегодня к мосту, — сказала Майра. — Там будут рассказывать одно и то же. Вчера вечером Каэля уже три раза уронили вниз, два раза подняли на плечах, а один человек уверял, что видел, как он сам остановил поезд ладонью. Ты ведь и так всё видела.

Лия не видела почти ничего. Она стояла за полицейским шнуром, слышала крики из шахты, потом люди вышли живые. Самое страшное она достроила сама, из пауз между ударами колокольчика.

— Я к мосту не пойду, — сказала она. — У меня книга из библиотеки. Её не волнует, что Каэль теперь знаменитый.

— Меня тоже не волнует, — ответила Майра, но ворот её куртки остался расстёгнут: она слишком спешила вернуться и ещё раз на него посмотреть.

Лия помогла ей застегнуть непокорную верхнюю пуговицу. В школу она не собиралась.

После ухода матери Лия вынула лист из-под синей открытки. Семьям назначенных погибших служба утешения присылала такие бумаги с талонами на еду и добрыми словами незнакомцев. Под скрепкой вчера обнаружилась узкая полоска — «предварительная запись памяти»: ЛИЯ, дочь Майры, проживание 3-ОБ-47.

Другие строки она прочла не сразу. «Согласование семейного контура», «приоритетная защита несовершеннолетних», «подготовка свидетелей». В графе повода значилась не смерть Каэля, а слово, которое обычно употребляли, когда в доме переставали чинить сломанную вещь: «изъятие».

Её имя стояло и там, где обещали заботу, и там, где велели что-то приготовить заранее. Лия провела ногтем по буквам; обычная краска, не след руки, исправившей ошибку.

За столом Каэль спал, положив голову на локоть. На костяшках его пальцев засохла кровь. Однажды он выломал дверь в кладовую, когда она застряла внутри, хотя ключ висел в коридоре на гвозде. Дверь после этого чинить пришлось обоим. Если показать ему лист сейчас, он побежит к наставнику и назовёт все три имени за стойкой. Она не знала даже, о чём его спрашивать.

На обороте рисунка Лия записала номер и метку семейного контура. Ниже разглядела: «Контур-основание: СБ-12 / прежний маршрут». Рядом соскоблили с бумаги прямоугольник адреса. Она поднесла к свету соседний лист со следом сгиба и различила последние буквы: «...рег».

Старую почтовую щель в Обруче закрыли, когда ей было восемь. Но письма иногда по ошибке отправляли туда и сейчас; служители вынимали их раз в неделю. Лия знала это, потому что однажды послала письмо нарисованному синему небу, а через четыре дня оно оказалось у неё под дверью с припиской «неполный адрес». Она тогда страшно обиделась на почту: могла бы хотя бы дождаться, пока небо ответит.

На выходе из подъезда Сота поймала её с мешком горячих лепёшек.

— Для героя, — сказала Сота. — Тебе одну сейчас. Не надо приносить ему мою лепёшку так, будто ты сама готовила, я почерк на тесте узнаю.

— Я ничего ему не собиралась приносить. Он спит.

— Значит, две возьми. Разогреть после сна он умеет или дожждётся, пока мать придёт? Вчера руку разбил, сегодня уверяет, что ест только левой.

Лия взяла две. Сота задержала мешок, не давая ей сразу уйти.

— Ты опять к своему художнику? Тот парень, что учит рисовать крыши, разве не на нижней площади?

— В школу. Верну библиотечную книгу.

— У семей после аварии выходной. Мне дети сказали, в школе даже преподавателей нет, одни любопытные люди у ворот стоят.

— В библиотеке книги сидят на месте. Я узнаю хотя бы одного знакомого.

Сота разглядела пустую руку, в которой никакой книги не было. Она могла окликнуть Майру, пока та ещё не ушла далеко; вместо этого завязала мешок крепче.

— Вернёшься — загляни. Я пирога отрезала Яреку в лечебницу. Одной мне туда тащить неловко, он после вчерашнего считает, будто я ему полсмены должна.

Лия согласилась неопределённым кивком. Сегодня вечером она очень хотела бы принести Яреку пирог сама. Через два квартала Лия встретила мальчишек, нарисовавших углём на стене Каэля с огромными плечами и поезд размером с кошку. Художник явно никогда не видел брата без рубашки: плечи он сделал в три раза шире, чем тот мог пронести в дверях. Зато подпись получилась хорошая: «ТОТ, КОТОРЫЙ НЕ ПОШЁЛ». Кто-то уже принёс венок и в сердцах бросил его под стеной.

У почтового двора стояли только две живые очереди: за посылками и за справкой о смене имени. К старой щели никто не подходил. Она сохранилась в каменном боку здания, между новым щитом расписания и лестницей для грузчиков. В щели темнели старые конверты, закрученные от влажного ветра. Сверху их удерживала медная решётка.

Лия встала так, чтобы прохожие прикрывали её от окон, достала карандаш и попыталась сдвинуть верхний конверт. Решётка была слишком глубока. Рядом возникла тень.

— В новую щель, — сказала женщина в почтовом фартуке. — Мы тут из упрямства оставили старую, а люди всё ещё уверены, что за ней кто-то сидит.

Она держала пустой ящик на бедре и смотрела на руки Лии, а не на лицо.

— Мне не письмо отправить.

— А я ни разу ещё не видела, чтобы за письмом приходили с карандашом. Скорее всего, опять хотят вытащить чужое.

Женщина протянула ладонь. Лия подумала, что сейчас у неё заберут карандаш, но та показала кусок красной краски на пальце.

— Печать с вечера мокрая. Мне тоже сказали, что высохла. Дверцу снизу не трогай. По рукам узнают даже в темноте.

— Вы возвращаете письма с неправильным адресом? Мне однажды вернули моё. На небо.

— На небо? — Женщина наконец посмотрела ей в лицо. — С нашей смены? Я бы не вернула. Поставила бы «ждём уточнения» и отложила до зимы. Не всегда же у человека есть куда писать.

Лия неожиданно вспомнила, как сердилась из-за того конверта. Ей хотелось спросить, где женщина прятала бы письмо всю зиму, но название маршрута давило из кармана, где лежала его копия.

— СБ-12, — сказала она. — Мне нужен старый адрес, от которого осталось только «...рег». Там мог жить тот, кому я пишу.

Почтальонша не стала спрашивать кому. Посмотрела через плечо на два окна нового приёма. Там шелестели карточки и смеялись над потерявшимся сапогом.

— Яна меня зовут. Сегодня мне велели списанные маршруты в топку отнести, хотя вчера они стояли спокойно и никому не мешали. Сама я не помню такого круга. Видишь, да? Не

помню — и всё равно нехорошо мне, когда бумагу жгут раньше, чем её прочли. Пойдём, только не отставай. Меня на работе и без тебя есть за что отчитывать.

Она подняла ящик и пошла в сортировочный двор. Лия поспешила за ней.

За новой почтой женщина в рукавицах доставала из стальной сумки письма, и на пальцах оставалась бумажная пыль. У стены висела карта улиц с вывеской «МАРШРУТЫ В РАБОТЕ». Из-под неё торчала старая карта другого цвета; по краю Лия различила железную ветку, упиравшуюся в пустое место.

— Яна, — окликнул почтальоншу человек у двери. — Списанные полки уже ждут.

— Я найду грузчика, — отозвалась она и, повернувшись к Лии, проговорила совсем тихо: — Не трогай карточки с верхнего ряда. На них свежая метка. То, что снизу, всё равно сегодня сожгут.

Яна ушла. Лия осталась посреди двора, держа мешок с лепёшками, и не могла решить, доверять ли человеку, который пригласил её внутрь и ушёл без дальнейших объяснений.

Она доверилась не Яне, а свежей метке. На двух верхних полках действительно стояли крохотные серые черточки новой краской. Нижняя была под углом и тянула запах старой пыли. Лия выдвинула картотечный ящик ровно настолько, чтобы заглянуть. На торце карточек значилось СБ-11. Следующий ящик — СБ-12.

Она успела открыть его, когда кто-то покашлял за спиной.

Человек в серой шапке держал под мышкой свернутую схему моста. Вчера он стоял возле старой щели, когда Лия шла встречать брата. Вблизи она разглядела тонкий рубец на подбородке и то, как его глаза немедленно нашли на ящике номер.

— Ты открытку повесила? — спросил он.

От неожиданности Лия не успела спрятать руку за спину. Он отдал ей открытку у старой щели; вчера она снова заметила его там. Получалось, он возвращался.

— Повесила. Ещё одну сама нарисовала.

— Я боялся, она порвалась по сгибу. Бумага старая.

Он сдвинул карту под локтем и протянул руку к ящику. Лия отодвинулась так, чтобы он не мог заглянуть за её плечо. На внутренней стороне, под металлическим ушком, кто-то карандашом написал «Северный берег». Она вспомнила единственное уцелевшее слово на обороте открытки: «берег»; название будто дописали здесь чужой рукой.

— Я ищу адрес тётки, — сказала она.

— На списанном маршруте? Тогда тётке, должно быть, много лет. Лия, я надеялся, ты оставишь себе картинку, а не станешь искать то место. Сегодня старые карточки уничтожают. Уходи сейчас — и, если кто-нибудь спросит, я скажу, что мы говорили про рисунок.

Он знал её имя. Она не называла его даже тогда, у старой щели.

— Почему вы знаете, кто моя мать? — спросила она. — И почему тогда дали мне открытку, если место нельзя искать?

Он отвёл взгляд к двери. Во дворе послышались стук колёс и оклик Яны. Мужчина поправил сложенную карту, не ответив ни на один вопрос.

Лия выдернула из ящика лист, служивший прокладкой между связками. На нём отпечатались прежние названия от долгого давления. Мужчина шагнул к ней, увидел, что это не карточка, и всё равно потянулся за листом. Она опрокинула мешок ему под ноги; обжигающие лепёшки посыпались на камень. Пока он подбирал ногу, Лия пролезла под столом сортировки и побежала между двумя рядами полок.

— Лия, я правда не хотел тебя пугать!

Может, и не хотел. Лия слышала, как он всё равно бросился за ней. За дверью сортировочной комнаты оказалась грузовая лестница. Лия взлетела наверх, споткнулась о край своего плаща и едва не выпустила бумагу. Голоса шли снизу. Она увидела связку почтовых канатов, перекинутых через двор к башенке сигнального поста; там не было перехода, только обслужи-

вающий мостик. У брата на работе таких дорожек была сотня. Ей хватило ума не пытаться повторять его подвиги.

Она выбрала дверь с надписью «ДЕТСКАЯ МАСТЕРСКАЯ», которую заметила с улицы ещё утром, и вошла в комнату с длинным столом и запахом клея. Десяток детей вырезали из картона рыб и листья, которых никто здесь никогда не видел. Учительница ходила между ними и запрещала украшать небо серебряной краской: небо на выданном образце должно было быть серым.

— Я опоздала, — сказала Лия, садясь на свободный стул.

— Мы уже начали кита, — сообщила девочка напротив. — Ты можешь сделать хвост. У меня не вышло: похож на две лопаты.

— Дашь ножницы?

Девочка придвинула ножницы тупыми концами вперёд, как делала учительница. Лия вырезала плавник, потом второй. Перед каждым движением ей чудилось, что за дверью слышны шаги. Чтобы не смотреть туда, она спросила, зачем киту красный глаз. Собеседница ответила, что серого не было в красках, а без глаза он всё время плыл не туда. Лия нашла в баночке яркую синь и раскрасила половину спины.

Через минуту вошёл человек в шапке. Лия подняла перед собой картонного кита. Мужчина прошёл взглядом по детям. Учительница остановила его на пороге.

— У нас занятие до полудня. Раньше детей забирают только матери. Если вам нужен кто-то из группы, назовите его по имени и подождите со мной снаружи, пока дети закончат.

— Это служебное дело. Девочка может выйти на минутку.

— Пусть выйдет после занятия. Мне потом объяснять её матери, почему она пошла с незнакомым человеком. И вашим знаком я ей вместо объяснения не помашу.

Мужчина задержался у порога, но спорить при детях не стал. Когда дверь закрылась, девочка напротив придвинула Лие кусочек красного картона.

— Вот. Если у твоего будет хвост, мой не станет так ужасно выделяться. Только синих настоящих китов не бывает, да?

— Я не знаю, — сказала Лия. — Поэтому нарисовала.

Когда занятие закончилось, Лия вышла с толпой детей и новеньким китом. Внизу Яна чистила щёткой пустую тележку. Они встретились глазами. Почтальонша увидела синего кита, бумагу, сложенную в рукаве, и не остановила её. Из нескольких рассыпанных лепёшек одну Яна подняла и теперь ела сама. Лия решила считать это платой за экскурсию.

В школьной библиотеке Лия положила на стол прокладку из почтового ящика. Бумага была такой тонкой, что сквозь неё проступало дерево. Она провела боком карандаша по вдавленным линиям: появилась улица, дом, затем что-то похожее на «Северный берег».

Под карандашом проступил адрес: Северный берег, улица Бондарей, дом 47. На обороте листа отпечаталась более свежая запись: «3-ОБ-47 / семейный контур / предварительная запись». Северного берега на нынешних картах не было. Лия снова прочла номер их дома — сорок семь — и посмотрела на старую открытку.

Она разгладила лист. Надо было показать всё Каэлю. Он наверняка повёл бы её к взрослым — к Галлу, к Майре, может, прямо к наставнику, — и за это она на него даже не обиделась бы. Только мужчина в шапке знал, где она живёт. Теперь он знал и о найденной бумаге.

Лия разрежала прокладку по слабому сгибу. Половину с названием поселения и номером маршрута вложила под синюю открытку между страницами учебника. Другую, с улицей и домом, спрятала в подгиб плаща. Брату она отдаст один кусок; со вторым придётся вернуться самой. Лия сразу представила, что он скажет, и захотела спрятать оба. Вместо этого написала время пересмены на открытке: до вечера ещё можно было передумать.

Вчера он велел ей не ходить по городу одной. Вечером она расскажет, почему не послушалась. До вечера она всё ещё рассчитывала найти слова.

Из библиотечного ящика записки уходили к рабочим сменам вместе с ремонтными нарядами. Лия написала: «Приходи на внешний пролёт после звона. Не домой. У меня есть кое-что про нас. Л.». Приписала: «Я в порядке. Не зови маму». Последние слова вдруг показались такими, после которых взрослые немедленно зовут маму. Бумага уже упала в щель.

Лия посмотрела на часы над выдачей книг. До пересмены оставалось почти три часа. Она могла вернуться домой и ждать, пока Каэль прочтёт записку. Выйдя из библиотеки, она увидела напротив того самого мужчину. Он стоял у лавки продавца очков и делал вид, будто выбирает оправу. Они оба поняли, что другой его заметил.

Лия не пошла домой. У почты Яна ругалась с колесом тележки, а мужчина в шапке следил за обеими. Лия громко объявила, что возвращает почтальонше недоеденную лепёшку. Заворачивая хлеб, подсунула перерисованную строку: «Северный берег. Бондарей, 47. 3-ОБ-47 / семейный контур». Исходные клочки остались в учебнике и под подкладкой.

— Брат с моста зайдёт, если я опоздаю. Передай ему мою еду, ладно? Он делает вид, что не голоден, когда волнуется.

Яна посмотрела через улицу на серую шапку. Её рука задержалась на свёртке.

— За лепёшки у нас теперь почтовый сбор? — спросила она. — Ладно. Имя братово напиши, а то я всех мостовых героев в лицо знаю хуже, чем они считают.

Лия вывела на чистой стороне обёртки: «Каэлю». Мужчина всё ещё стоял у очков. Она отдала хлеб Яне и побежала к площади, будто совершила самую глупую бытовую покупку за день. Было страшно, что бумага просветит сквозь обёртку; зато теперь её можно было отобрать у Лии, не отобрав всего.

Он не приблизился. Лия не пошла к дому.

Эйра держала дверь отцовской кладовки открытой коленом, чтобы лампа в коридоре освещала нижнюю полку. Отец уверял, что фотографии семьи лежат в верхней коробке. В верхней были приглашения на его свадьбу, старые перчатки и даже квитанция за двадцать восемь тарелок, ни одной фотографии. В нижней коробке, между зимними ботинками, нашлась металлическая рамка с выцветшей карточкой. На ней стояли девять человек перед домом с резными балконами.

Эйра различила себя, ещё ребёнка, по криво подстриженной чёлке. Отец стоял за её плечом, смеялся. Справа от него на снимке оставалось свободное место. Там фотографическая бумага была светлее. Рамку подрезали позже. Линия ножниц дрогнула возле отцовского плеча и выправилась к нижнему углу.

— Ты опять на нижней полке? — спросил отец за спиной. — Там ботинки, Эйра. Я шесть лет прошу тебя не искать семейную историю в ботинках.

Она не услышала, как он вошёл, и чуть не уронила рамку. Отец принёс два стакана горячего ягодного питья. Один поставил ей на полку с обувью, не особенно заботясь о порядке, который сам только что защищал.

— Ты сказал, снимки дома в верхней коробке.

— Они там были. Я переставил, когда крыша подтекала. Знаю, знаю, если вещь переложил отец, её уже никто не найдёт.

На фотографии отец смеялся, прищулив один глаз. В последнее время он редко смеялся, когда Эйра приходила с вопросами. Она протянула ему рамку, закрыв ладонью вырезанный край.

— Смотри на балкон. Ты говорил, у нас никогда не было дома с таким. А тут я стою на пороге. Видишь, как плохо меня тогда подстригли? Это твоя работа, я ещё неделю злилась.

— Не злилась. Сказала, что похожа на настоящего следопыта, и неделю скакала по крышам сараев.

— Значит, ты помнишь день. Где этот дом?

Отец выпил из своего стакана, хотя ягодный настой ещё обжигал. Эйра поняла: готовится отвечать ей так же, как вчера и неделю назад. Она не хотела слушать ту же историю. Но не стала отнимать у него время, необходимое, чтобы заговорить.

— Дом твоей тётки. С балконом, это верно. Она пускала тебя кормить птиц, а потом ругала меня, что ты уронила крошки на бельё. — Он снова посмотрел на карточку. — На прядильной улице, возле больших горнов.

— Та улица на снимке с другой стороны. Папа, я там работала. Горны были бы у нас за спиной. И дата здесь не та, когда, по твоим словам, мы жили рядом с ней.

— Твоя тётка умерла, когда ты была маленькой. Я могу ошибиться домом. Я бы хотел, чтобы ты вспомнила, как она смеялась, а ты всё проверяешь, к какой стене прибили балкон.

Он сказал это без упрёка в голосе. Оттого Эйра наконец почувствовала упрёк. Ей действительно хотелось найти ошибку, и она не знала, станет ли ей легче, если ошибка окажется большой.

— Я хочу вспомнить и её, — сказала она. — Ты вчера говорил, что она умерла до моего рождения. Сегодня помнишь, как я кормила у неё птиц.

Отец поставил стакан. В стекле осталась яркая красная полоса.

— Разве я говорил «до рождения»? Мог. Прости. После всех наших переездов годы путаются. Я так часто оставался один с твоими старыми вещами, что иной раз мне кажется, будто ты всегда была взрослой и приходила за ответами с блокнотом.

Он подошёл и поправил загнутый угол её воротника, как делал, когда она была школьницей. Эйра очень хотела прислониться к его плечу; в другой руке у неё оставалась рамка, и она не знала, куда её положить. Отец заметил этот взгляд и больше не трогал ворот.

— У тебя же выходной, — сказал он. — Я испёк хлеб. Сядем, пока не остыл? Можешь потом рассказывать мне про все балконы Четвёртого, я даже слушать постараюсь.

— Я ещё посмотрю оборот.

— Посмотри. Потом спускайся.

Он ушёл, оставив ей стакан. На обороте под ржавой ножкой рамки стояла дата. Она совпадала с годом, когда, по семейной истории, они жили на другом конце яруса. Эйра отпила ягодный настой и вынула из кармана маленький блокнот. Там уже были записаны адрес на обороте подарка, счёт за гвозди, имена соседей, которых отец будто бы никогда не встречал. Теперь добавился балкон. Перед уходом на службу она всё-таки спустилась к столу. Отец резал хлеб толсто, неровными ломтями, и протянул ей край с хрустящей коркой. Эйра взяла горячий край и обожгла пальцы, как в детстве, когда не умела дождаться, пока хлеб остынет.

На дежурстве Эйру ждало дело мостовой аварии. Перегруз, спасение людей и поезда, смерть Каэля Майрина — «событийное ядро состоялось». О живом человеке, ушедшем домой к ужину, ни слова. На полях чужая рука вывела: «Отклонение во внешней форме. Семейный контур подготовить».

Эйра задержала взгляд на слове «подготовить». Оно уже встречалось ей в старых бумагах отца, рядом с адресом, который он потом называл иначе. Она снова ощутила вкус кисловатого ягодного настоя; отец наверняка убирал сейчас их стаканы со стола.

— Тарен просит, чтобы это взяла ты, — сказал дежурный. Он раньше работал фельдшером и называл любое решение, принятое без осмотра человека, дурной экономией. — До ночного звона. Если не хочешь, я оформлю другого.

— Как люди из поезда?

— Всех привезли живыми. Двое в лечебнице, остальные уже спорят о премии. Парень, которому напечатали смерть, приходил расписываться в отчёте сам. Ты знаешь, какое там лицо у писаря было? Будто он увидел, как покойник просит чистый лист.

— А ты как узнал?

— Спросил у врача про раненых. Врач у инспектора. Писарь у врача. Там, где люди живы и бумаги уверены в обратном, разговоры ходят быстро.

Эйра закрыла папку. Она не знала Каэля и слышала уже два несовместимых рассказа о его спасении. Если он подписывал отчёт сам, с ним можно было поговорить. А потом спросить Тарена, зачем при живом человеке готовить семейный контур.

— Возьму, — сказала она. — Передай, что выведу сейчас. И попроси кого-нибудь оставить мне копию утреннего отчёта. В этом вечером уже может оказаться другой почерк.

Дежурный кивнул. Он понял, что она читала не только про мост, но не спросил почему.

Глава 4. Кровать у стены

Каэля разбудил собственный смех. Во сне бабушка с пуговицами требовала у начальника грузового движения возместить ей одну пропавшую; начальник стоял по колено в грушах и объявлял, что происшествие завершено согласно расписанию. На самом деле в комнате было тихо. Куртка матери лежала у Каэля на плечах, лампа с утра успела перегореть, а в пальцах он сжимал пустую кружку.

На столе стояли две лепёшки от Соты. Съев одну, Каэль заметил, что с подоконника исчезла синяя открытка: Лия брала её, когда уходила далеко или хотела доказать обратное. Он оставил ей вторую лепёшку. Вчерашний вывих ещё отдавал в запястье, однако инструмент он удержит. Тело болело так, будто не верило в завтрашний день.

Он пошёл искать Лию на улице и попал в собственное празднование. Трое детей требовали показать, как человек ездит по тросу без кабины. Он объяснил, что не ездил, а полз, и что для повторения необходим рабочий наряд, страховка и веская причина. Дети попросили вескую причину. Владелица грушевой лавки выдала ему бесплатную грушу и предъявила длинную ведомость потерянных вчера денег, которую уже оплатила страховая касса; она хотела проверить, не станут ли у него отнимать бесплатную грушу из возмещения. Каэль согласился съесть улику немедленно.

У проходной встретился Ярек. Руки ученика были туго перебинтованы. Ему разрешили отдыхать три дня, но он пришёл посмотреть на временную заплатку, которую поставили поверх разошедшегося шва.

— Врач велел тебе три дня отдыхать, — сказал Каэль. — Я мог бы показать ему дорогу к проходной, раз он так плохо её объяснил.

— Мне руки запретили, ноги целы. А сюда мать меня привела. Сказала, если я буду дома смотреть на стены, начну их чинить левой рукой.

Ярек отступил, когда под сводом прошла ремонтная тележка. Обычно он полез бы помогать толкать её, даже с перевязанной рукой. Теперь он ждал, пока тележка уйдёт, и следил не за грузом, а за местом, где вчера провалился настил.

— Я ночью всё вспоминал, — сказал он. — Больше всего — как ты позвал меня по имени. Я ведь слышал. Мог сразу нож достать. Вместо этого ждал, что ты придумаешь, как мне выбраться. Дурацкая привычка.

— Я обещал Лие, что тебя не будет на переднем. Галл даже перевёл тебя на внутренний ход. Потом тебе пришлось выводить людей, и я видел, как ты держал трос, пока я возился с кабиной. Если бы побежал ко мне помогать, они остались бы там.

— Вот об этом я не вспоминал. — Ярек поглядел на свои бинты. — Наверное, придётся хоть иногда.

Они немного постояли, слушая, как под заплатой отзывается ходящий металл. Потом Каэль спросил:

— Лия тут была?

— Утром не видел. Она написала тебе. Я хотел подождать, пока ты проснёшься, потом прочёл «не домой» и пошёл искать тебя.

Ярек достал из внутреннего кармана измятый листок. «После звона. Не домой». В нижней строке стояло: «Я в порядке. Не зови маму». Почерк Лии делался всё шире к концу.

— Она считала, что я послушаюсь?

— Я, может, и послушался бы. На короткое время. — Ярек посмотрел на него. — Если тебе понадобится сходить туда вдвоём, у меня ноги по-прежнему целы.

— А врач тогда предъявит счёт мне. Давай я сначала узнаю, чего она хочет.

На улице перед служебными воротами двое работников в серых фартуках укладывали на тележку низкие медные чаши с клеммами. Обычно такие привозили раз в сезон, когда после перепада давления на ярусе у людей болели головы и проверяли сигналы жилых зон. Рабочий показал пропуск охраннику. Каэль узнал на нём печать службы утешения.

— Они что, петь будут? — спросил Каэль, показав на медные чаши.

— Говорят, помогут семьям после аварии. — Ярек попытался поправить бинт зубами. — Мать хочет, чтобы я сходил к ним. Она всю ночь слушала, как я во сне ругаюсь с тросом. А я не знаю, чего хочу. У тебя ведь тогда тоже было... с колоколом.

Каэль не ожидал, что Ярек помнит его минутную слабость с позавчерашней смены. Он дотронулся до здорового плеча мальчишки.

— Если захочешь попросить помощи, это твои воспоминания. Пусть сначала объяснят тебе, что именно предлагают убрать.

— Ты сейчас на наставника похож. Только ботинки грязные.

— Значит, посиди дома и подумай, пока я не начал раздавать памятки.

Ярек усмехнулся. Но взгляд ещё раз вернулся к серой тележке.

Лия написала «не домой»; Каэль пришёл на внешний пролёт до звона. Их окно висело на внутренней стороне огромного кольца среди лестниц и света. За внешней оградой взгляд не находил опоры до холодных огней нижнего яруса. Детям здесь запрещали ходить. Лия знала запрет.

Галл в конторке подписывал список людей, которым вчера причиталась премия за риск. Он отправил Каэля в отпуск на сутки без возможности спорить: корешок решения унесли ещё утром. Услышав, куда Каэль идёт, мастер поднял голову.

— На внешней ферме ещё нельзя работать, — сказал Галл. — Туда выпустили осмотрщика, и тот вернулся просить второй ремень. Не лезь туда из любопытства.

— Мне нужно встретить Лию.

— Она сама выбрала место? Не нравится мне, как вы с ней похожи, когда стараетесь выглядеть разумными.

— Я собираюсь объяснить ей, почему туда нельзя. Ты можешь слушать, если мне удастся.

Галл вынул из ящика маленькую рабочую лампу. На корпусе были вмятины от чужих падений. Он проверил батарею и лишь после этого протянул её Каэлю.

— За третьей стойкой держится один наружный поручень. Я Лие однажды показал, как натягивают страховку, она потом неделю рисовала мне узлы и приносила проверять. Если она решит пройти там, сперва пусть нарисует, чем собирается заменить отсутствующий пол.

— Она скажет, что ты мешаешь искусству.

— Пусть скажет. Верни лампу завтра. Обоих хочу увидеть при дневном свете.

До звона оставался час. Каэль провёл его у оконца проходной, наблюдая, как по нижнему переходу идут домой люди. У Яны, почтальонши, он спросил, не видела ли она Лию. Женщина очень долго выбирала среди бумажных свёртков один, который и без того держала в руке.

— Была у нас, — сказала Яна. — Училась рисовать кита. Потом вышла с детьми, через западную дверь. Я видела, как она оглянулась на сортировку. Сильно ей там что-то понадобилось.

— Что?

— Если бы знала, сама бы тебе сказала. — Почтальонша не отпустила бумажный свёрток. — У меня когда-то сын так же смотрел на каждый запёртый ящик. Ему всегда казалось, что внутри только то, от чего его держат подальше. Я бы тогда рада была, если бы хоть раз действительно оказался конфетный склад.

— Ей грозит беда?

Яна посмотрела на служебные ворота, возле которых выгружали медные чаши.

— У нас с утра люди из службы. Списанные маршруты велели убрать. Если найдёшь Лию, попроси, чтобы сегодня не возвращалась к почте. И сам с ней оставайся. Не всегда можно достать человека из-за того, что дверь ещё открыта.

Она ушла прежде, чем Каэль спросил про маршрут. От неё пахло лепёшками Соты; стало ясно, где пропала Лиина еда.

Первый вечерний звон прошёл по сводам. Он не был семейным сигналом Майры: тяжёлые язычки городских колоколов вздрагивали один за другим вдоль кольца. Люди спешили к домашним лестницам. На внутреннем переходе показалась Лия, одна, с картонным синим китом под мышкой. Шапки на ней не было, волосы выбились из косы. Она увидела Каэля раньше, чем он успел выйти из конторки, и так широко улыбнулась, что он едва не решил: всё хорошо.

За ней шли двое. Первый, в серой шапке, держался чуть дальше. Вторая, коротко стриженная женщина, шла впереди остальных прохожих и ни разу не посмотрела на Лию. Их расстояние друг от друга не менялось при каждом повороте толпы.

Каэль вышел на внутреннюю площадку и поднял руку. Лия сразу перестала улыбаться. Картонный кит перевернулся у неё в руках, показав чистый белый живот. Она ускорила шаг. Коротко стриженная женщина опередила двух работяг, будто торопилась на поезд, и заняла проход у служебной дверцы. Человек в шапке догнал девочку сзади.

— Лия! — крикнул Каэль.

Она бросилась к нему. До их встречи было меньше двадцати шагов. Мужчина взял её за локоть, и Лия обернулась с яростью, какой Каэль у неё не видел с тех пор, как ей было семь и кто-то разрезал её единственного бумажного змея. Женщина встала между ним и лестницей. Показала открытый служебный знак.

— Работник Майрин, не препятствуйте. Несовершеннолетняя находится в зоне защиты.

— Моя сестра находится в двадцати шагах от меня.

— Она сейчас поедет с нами. Причину вам сообщат по месту проживания.

Лия выдернула локоть и поднырнула под руку мужчины. Каэль рванулся навстречу; на секунду он ощутил в ладони её холодные пальцы и сложенный клочок бумаги. Она вложила его сама. Сверху напозла тень грузовой клетки. Мужчина обхватил Лию поперёк плеч, удерживая от края, на который её вынесло рывком.

— Не ходи домой, — сказала она быстро. — У них там... они уже расставили...

Остальное утонуло в грохоте. Коротко стриженная ударила ладонью по кнопке перего-родки. Между ними поднялась складная решётка: её ставили, когда по грузовому пути шёл негабаритный поезд. Каэль просунул руку между прутьями, схватил рукав сестры и не удержал: ткань разошлась по шву, оставив у него короткую синюю ленту. Лия смотрела прямо на него. Он отпустил решётку, когда увидел её руку возле механизма. Лия дёрнула запястьем, показывая, чтобы он отошёл.

— Я найду тебя, — крикнул он.

— Не отдавай им! — ответила Лия.

Мужчина в шапке повёл её в боковую клеть; она ступила туда сама, когда он отпустил плечо. Женщина показала сопровождающему знак, и клеть ушла по спуску за опорой. Каэль успел увидеть, что на табличке её борта обозначен нижний служебный ход, а не лечебница. Потом конструкция скрылась.

Каэль попытался поднять решётку, но ручка находилась по другую сторону. Женщина в сером уже кричала охране, чтобы не выпускали грузовую клеть из хода. Она приказывала закрыть верхний ход, где стояли другие рабочие. Каэль ждал, когда она отойдёт от решётки.

— Куда её везут?

— Домой, после проверки. Опустите руку.

Клеть ушла вниз; их дом был наверху. Каэль не стал спорить с ней о слове «домой». В ладони Каэля осталась бумага. Он сжал её в кулак и побежал к наружной лестнице. Спуск клетью огибал опору с внешней стороны; до поворота можно было успеть, если пройти служебным настилом.

Галл окликнул его из конторки. Каэль услышал предупреждение о третьей стойке, вспомнил лампу и подхватил её с крюка на ходу. После вчерашней аварии часть ограды здесь разобрали. Ступни находили узкие поперечины; ниже начинался тёмный воздух. Он не смотрел вниз. Лия где-то за опорой уже могла кричать от боли или, что было хуже, молчать, чтобы сберечь силы.

На третьей стойке настила больше не было. Каэль задержался, упёр лампу в паз и осветил прорезь. До целого участка оставалось два шага по наружному поручню. Он привязал страховочный ремень к стойке, перешёл боком, по одной ноге, проверяя каждую заклёпку. Там, где прежде лежала плита, его пальцы нащупали чьи-то старые насечки. Галл говорил, что здесь ничего не держится, кроме поручня. Поручень пока держался.

За поворотом служебная клеть оказалась видна снизу. Её остановили на промежуточной посадке. Каэль уже открыл рот, чтобы позвать сестру, когда увидел, что она стоит у решётки с ладонями снаружи. Один сопровождающий разговаривал по переговорной трубке. Второй смотрел вверх, на рукав мостовика. Каэль отступил за ферму.

До посадки вела крутая лестница с внутренней стороны, а снаружи — трос для ремонтной каретки. По тросу ходила ремонтная каретка. Каэль представил, как срывает её со стоянки, проходит над посадкой и цепляется за решётку клетки. Каретка пришлась бы Лие прямо по плечам. Она стояла на твёрдом полу, не у края, и он остался за фермой, пока не увидит, куда клеть пойдёт дальше.

Он увидел ещё одну деталь: клеть закрывали не замком, а задвижкой снаружи. На посадке стояли три человека, ни один не держал Лию за руки. Лия могла подойти к решётке и сама выбирала, куда встать. Сейчас она прижималась к наружной стенке, и её лицо оставалось видно ему.

Каэль попытался проследить, куда повезут клеть. С нижнего хода донёсся тонкий высокий звук. Пахло раскалённой пылью, как во время вечерней настройки сигнальных чаш. Вдоль внутренней стороны дома, там, где Майра каждое утро встряхивала скатерть, зажглись белые круги. Тележка в серых фартуках добралась до их сектора. Чаши крепили не к мосту, а к стенам жилых клеток. Если бы устройство предназначалось для снятия боли после аварии, первым делом его поставили бы у пострадавших на мосту. Его ставили у семей.

Он развёл пальцы. На обрывке бумаги стояло: «Бондарей, 47». Под словом расплывалась синяя карандашная черта, возможно начало карты. Каэль не знал улицы Бондарей. Лия успела доверить ему только половину дороги. Вторую, вероятно, несла на себе. Открытка с синим небом исчезла вместе с ней.

Мимо прошла клеть. Каэль увидел лицо сестры между стальными стойками. Она тоже заметила его на наружной ферме и подняла руку — коротко, почти сердито. Он ответил. У неё на воротах ещё болтался огрызок синей ткани. Дверцу ей не открыли, но и рта не закрыли. Когда клеть ушла вниз, он запомнил её направление: к старым нижним почтовым путям.

Галл догнал его до третьей стойки, дальше не пошёл. Они кричали друг другу через прорезь.

— За ней по лестнице, — сказал мастер. — Там ход для людей. Возвращайся сюда!

— Куда ведёт нижний почтовый путь?

— К пересадке на Четвёртый. Там три ветки. Ты один не угадаешь, какую возьмут. Я позову охрану.

— Охрана помогла им её забрать.

Галл замолчал. Ему не нужно было рассказывать остальное: он видел, как здесь расставляют оборудование. Внизу послышался голос объявителя. Служба звала жителей в помещения «для спокойного завершения дня» и просила помнить о назначенной помощи. Каэль услышал, как Галл негромко ругнулся.

— Майра дома? — спросил он.

— После смены вернулась. Я видел её у твоих ворот.

— Заберите её из сектора.

— Каэль, что происходит?

Он мог выкрикнуть слово «Исправление». У Галла были люди и собственный колокол тревоги. Но это слово на мостах произносили после больших аварий, когда чьи-то страшные воспоминания ослабляли, чтобы люди вновь могли работать. Иногда получалось, иногда люди сами просили оставить их в покое. Сейчас Каэль не знал, как объяснить мастеру, что из их дома собираются вытащить не страх перед смертью, а память о живом ребёнке.

— Записка Лии, — сказал он, развернув её свободной рукой. — Она написала: не возвращаться домой. Её увезли. Я пойду за ней, но сначала приведите Майру к внешнему посту.

Галл посмотрел на кольцо огней у квартир. Потом на кусок разобранного настила между ними.

— Возвращайся через поручень. Поможешь мне вести её.

Каэль сделал шаг в обратную сторону. Тогда свет у дальнего края дома моргнул. Воздух изменился: в ушах появилась тонкая нота, которой раньше не было. За опорой люди на внутреннем переходе одновременно остановились и прислушались, как если бы кто-то назвал их по именам слишком далеко, чтобы расслышать. Звон ещё не охватил наружную ферму. Каэль ощутил его кожей на висках, но слова Ярека, имя Майры, лицо сестры оставались на месте.

— Галл! — крикнул он.

Мастер уже бежал к дому.

Каэль хотел вернуться следом. Он прошёл до третьей стойки, опустил лампу, вцепился в поручень. За перегородкой очередной белый круг загорелся над дверью Соты. Из трубы объявителя послышался женский голос, ласковый и лишённый пауз: «Закройте окна. Назовите своё полное имя. Помните, сколько детей было в вашей семье». Жители послушно повторяли, что слышали, как люди всегда повторяют имя перед медосмотром. Через общий шум пробился голос Майры. Каэль узнал его, хотя она не называла сына: мать сердилась на криво прикреплённую чашу и требовала, чтобы её не задела воротами.

Он сделал второй шаг. Тонкая нота стала шире и больше. В памяти на мгновение провалилось то, зачем он возвращается. Осталась только железная стойка, мокрая ладонь, слово «дом». Каэль отступил. На наружной ферме нота ослабла. Каэль снова видел руку Лии между прутьями и точно помнил, почему возвращался к дому. Он поднял лампу к третьей стойке, проверил расстояние до белого круга и остался по эту сторону прорези.

— Майра! — крикнул он, зная, что за трубами она не услышит.

Галл выскочил у её двери, взял Майру за руку. Она сперва вырывалась: кто-то, судя по всему, пообещал, что после процедуры всем станет лучше, а этот упрямый мастер тащил её неизвестно куда. Каэль увидел, как Галл попытался провести её через соседний ход. Дверь туда уже закрыла охрана. Они отступили к стене. Галл что-то говорил, Майра кивала, но держалась за перила, будто боялась потерять направление. Вскоре оба пропали за узкой полосой белого света.

С наружной фермы был виден весь их дом, а помочь он не мог. Каэль вынул из кармана половину лепёшки Соты, оставленную для Лии, и вдруг обнаружил, что хранит её с утра, сам того не замечая. Он прислонился спиной к холодной опоре. По кольцу сектора один за другим зажигались резонаторные круги. Между ними оставались тёмные окна — комнаты людей, которые не открыли двери, ушли на смену или ещё не знали, кого сегодня попросят забыть.

У дома напротив сосед вынес маленький стул на площадку. Женщина в сером фартуке забрала его у него, отнесла обратно за дверь и закрыла её; вероятно, она знала, что предметы после процедуры придётся объяснять. На их балконе висела Лиина рубашка с оторванной пуговицей. Она хлопала рукавами от движения воздуха. Никто не пришёл снять её.

Часы на внешнем посту пробили девять. На внутреннем переходе кто-то запел знакомую песню про бельё и Северный берег. Песня кончилась на полуслове; оттуда же вскоре донеслась другая, вечерняя.

Клеть с Лией не вернулась. На нижнем ходе погасли служебные огни; смена прошла, по той ветке теперь двигался уголь. Бумажка «Бондарей, 47» потемнела от пота. Он переложил бумажку в сухой внутренний карман и привязал к ремню синюю ленточку с её рукава. Ветер дёргал ткань и всё время заставлял его оборачиваться.

После полуночи белые круги погасли. Каэль ещё некоторое время сидел, ожидая, что они зажгутся снова. Потом поднялся, отвязал ремень и осторожно перешёл через сломанный настил. На третьей стойке его нога сорвалась с выступа; он повис на руках, ударился больным плечом и вернулся на поручень только со второй попытки. Он подтянулся на здоровой руке и долго потом стоял, пережидая боль в плече. Вчера спасённый пролёт не стал от этого ни на палец короче.

У проходной спал охранник, уронив голову на плечо. Его не разбудили ни падение металла вдалеке, ни шаги мостовика. Возможно, он устал после долгой смены. Возможно, спал по приказу врача. Каэль не стал его будить.

На площадке перед домом пахло мокрым бельём и той самой печью, в которой Сота каждое утро пекла лепёшки. Стена возле двери была свежее остальных: к ней прикрепляли чашу, и крепёж оставил четыре светлых кружка. На полу валялся согнутый гвоздь. Из комнаты соседей доносился спор о цене груш. Каэль остановился у двери и услышал, как сосед за стеной торгуется за три груши. Он торговался вчера, до аварии; сегодня голос его звучал точно так же.

Дверь открыла Майра. Она была в домашней кофте, босая, с полотенцем через плечо. Увидев его, она сначала сердито нахмурилась, потом рассмотрела ссадину на его лице.

— Где ты был? Галл приходил. Сказал, что ты перебрался за внешнюю ограду и потом ушёл. Мы с ним немного поссорились. Он ещё за обедом пришёл сообщить, что у тебя выходной, а к вечеру уже хочет гнать меня на мост искать тебя.

— Он не привёл тебя к посту?

— Привёл к лестнице. Дальше я сама отказалась идти. Почему тебе после вчерашнего положено лечиться на пустом пролёте, а мне нельзя лечиться дома, где есть стул и котёл?

Она коснулась его лба. Пальцы были тёплые. Каэль задержался под её ладонью, хотя не мог ответить. За спиной Майры стол стоял накрытым для двоих: его тарелка возле окна, её напротив. Мать проследила за его взглядом.

— Я у Соты ела, — объяснила она. — Села подождать и сама съела всё, что мне отложили. Тебе суп остался.

— Где Лия?

Майра нахмурилась.

— Что?

— Лия. Ты видела, как её увезли? Она была на переходе перед звонком.

Мать медленно сняла руку с его лба. Она смотрела на него с такой растерянностью, словно он заговорил о соседе, который ни разу к ним не заходил.

— Я никого не видела. Галл сказал, что ты опять вспомнил аварию и убежал за ограду. Врач предупреждал, что это бывает после такого дня. Иди поешь сначала.

Каэль прошёл мимо неё в комнату. За тканевой занавеской осталось всё, что было утром: баночки с краской на полу, складной столик у окна, рисунки на нитке. У стены стояла кровать. На одеяле торчала синяя нить: Лия тянула её с того дня, как пыталась зашить маленькую дыру и

не нашла ножниц. Каэль сел на край, ладонью расправил смятую подушку. Вчера ночью сестра прошла мимо него на кухню за водой и оставила кровать точно такой.

Майра остановилась у занавески. Сначала она посмотрела на смятый край одеяла; потом на сына.

— Ты что-то здесь искал? — спросила она. — Я хотела эти старые вещи завтра разобрать. Пока у нас жили дети после переселения, комната была занята. Теперь мешает ходить к окну.

— Какие дети?

— Ты помнишь. По очереди, из нижних клетей. Двое мальчиков, девочка с рыжими волосами. Тогда даже Сота перестала носить еду в одной кастрюле: боялась не угадать, сколько нас дома. — Майра поправила край занавески. — Ты зачем смотришь на меня так, будто я придумала их сейчас?

Детей на временном ночлеге Каэль помнил. Они жили у них по несколько дней, когда на нижних клетях затопило комнаты; Лия бесилась, если кто-то трогал её рисунки, и всё же передавала им свою подушку. — У нас была девочка, — сказал Каэль. — До них, во время них и после. Лия. Твоя дочь.

— Каэль, — произнесла Майра. — Сядь на кухне. Мне надо посмотреть твою руку и напоить тебя чем-нибудь горячим. Вчера врач говорил про сильный испуг. Я тогда только сердилась, что он читает лекцию при живом человеке. Надо было слушать.

Она не приближалась к кровати. Каэль поднялся и взял с полки деревянную птицу. Он вырезал её Лие ко дню рождения. Сломанное крыло она сама привязала ниткой; теперь оно болталось, когда он поворачивал птицу.

— Я сделал это ей. Она отломил крыло в день, когда пыталась научить птицу летать. Ты потом ещё месяц находила нитки на полу.

Майра прищурилась, узнала предмет.

— Ты делал игрушки детям, когда те жили у нас. Я их собирала в коробку. Разве ты не помнишь, как мы долго спорили из-за стружки на полу?

— Смотри на стол.

На торце Лииными неровными буквами было вырезано её имя. Майра подошла ближе, поднесла лампу и прочла. Свет лег на царапины. Она обвела пальцем первую букву.

— Как давно здесь это? — спросила она.

— Четыре года.

— Ты сказал, что у меня была дочь. Я бы помнила, как она резала мой стол ножом.

— Ты рассердилась на меня, а не на неё. Нож ей дал я.

— Я бы помнила, — повторила Майра. На этот раз не сердито, а тише. — Ты слышишь, что я говорю? Я помню, как ты родился. Как у тебя в пять лет сломалась рука. Помню, что каждую зиму считала, хватит ли топлива, и одного ребёнка едва одевала. Второго я бы тоже считала. Я не могу обнаружить дочь на деревянной доске, словно оставила её за этим столом и вышла на минуту.

Каэль вынул из кармана синюю ленточку. На ней ещё держался кусочек шва. Он мог бы рассказать, как схватил Лию у грузовой решётки. Вместо этого сказал:

— Она сегодня рисовала кита. В почтовой мастерской. Я сам видел её с этим китом. Мужчина в серой шапке увёз её по нижнему ходу. Она дала мне бумагу. Я видел, как она подняла руку, когда клеть уходила. Майра, она не погибла на мосту. Она жива.

— Я тебе верю, что ты видел девочку, — ответила мать после паузы. — Я не знаю, кто её увёз. Галл сказал, ты был за оградой, а оттуда чего только не покажется. Не спрашивай меня о ребёнке, которого я должна была родить и не помню. Я бы... — Она осеклась. — Подожди. Какое имя ты назвал?

— Лия.

Майра прочла его ещё раз на столе. Она смотрела на буквы дольше, чем в первый раз. Каэль почти протянул к ней руку.

— Может быть, одна из тех, кто ночевал у нас, — сказала она. — Стол мы им оставляли. Ты с ними играл.

— У неё была кружка с рыбой. Ты купила её на нижнем рынке, потому что Лия решила, будто все рыбы живут в темноте и никогда не видят цвета.

Он отдернул занавеску и пошёл к кухонной полке. Сколотая у ручки кружка стояла сверху. Майра вышла следом. Она взяла её раньше, чем Каэль успел снять, проверила скол и поставила на стол.

— Эту я берегла для гостей, пока не заметила край. Неудобно давать ребёнку. Я не знаю, какой именно девочке ты её показывал, и не стану говорить, что помню, только чтобы тебе стало лучше. — Она взяла полотенце, сложила его вдвое, снова развернула. — Я пугаюсь, когда ты уверяешь, что я забыла собственную дочь. А ты говоришь это так спокойно, будто мне осталось посмотреть ещё один предмет и я соглашусь.

— Я не спокоен, — сказал Каэль.

— Вижу. Поэтому и сижу здесь с тобой, хотя совсем не понимаю, откуда взялась эта история. Скажи мне, что ты помнишь о девочке. Я буду слушать. Может быть, мы сможем узнать, кому принадлежит кружка. А утром попросим кого-нибудь ещё посмотреть записи. Только не надо сейчас заставлять меня вспомнить то, чего у меня нет.

Чайник на плите начал тихо посвистывать. Майра отвернулась к нему. Каэль посмотрел на полотенце в её руках, на кружку, на синюю ленту, перепутавшуюся с его пальцами. Ему хотелось привести мать к кровати и заставить увидеть, как многое в комнате сделано под рост и привычки одной девочки. Позвать Соту, принести все рисунки, сложить их у Майры на коленях. Когда она вернулась с чайником, он уже держал штору, за которой висел Лиин синий шарф.

Майра отшатнулась. Она ничего не сказала и прижала к себе пустую чашку. Каэль отпустил штору.

— Прости. Я оставляю вещи там, где они были.

— Тебе не за что извиняться за эту комнату. — Она села, налив чай мимо чашки, и вытерла стол тем же полотенцем. — Мне жаль, что я не могу тебе помочь сейчас так, как ты просишь.

Она принесла суп и стала ждать, пока он возьмёт ложку. Он взял. В супе плавал тмин, который Лия всегда выковыривала на край тарелки и тайком перекладывала брату. Каэль поймал одно зёрнышко и остановил себя, прежде чем отодвинуть его на пустое место. Мать поставила рядом хлеб; он ел, потому что она только так могла в эту минуту за ним ухаживать. Спросила, не добавить ли соли. Он сказал, что соли достаточно.

После еды она предложила постелить ему на своём диване. Он отказался и попросил дать птицу с собой: хотелось починить крыло. Майра взяла её у него, рассмотрела нитку и отдала.

— Галл может завтра сделать тебе ещё один выходной, — сказала она у порога. — Тебе всё равно нужно будет где-то спать. Если утром захочешь сходить к врачу, я пойду рядом. Если нет, поговорим сначала между собой. Не пропадай опять без слова.

— Я приду, — сказал Каэль. Он не назвал времени. После вчерашнего обещание прийти к ужину заст

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.